

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ОСОБО
СЕКРЕТНОЕ
ОРУЖИЕ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Особо секретное оружие

«Автор»

2005

Самаров С. В.

Особо секретное оружие / С. В. Самаров — «Автор»,
2005 — (Спецназ ГРУ)

Спецслужбы ГРУ разработали уникальный проект. С помощью гипноза и особых психотропных препаратов в секретных лабораториях создают людей, способных «включаться» и убивать всех, кто находится рядом с ними. Причем без оружия. Их называли «электрические айсберги». Про это необычное оружие стало известно лидеру чеченских боевиков Талгату. Теперь у него цель одна – заставить «айсбергов» работать на себя, то есть убивать и убивать... Но разве мог предположить Талгат, что на его пути встанет бывший сослуживец майор Сохно, с которым они плечом к плечу воевали в Афгане...

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть I	10
ГЛАВА 1	10
1	10
2	13
3	18
ГЛАВА 2	22
1	22
2	25
3	28
ГЛАВА 3	32
1	32
2	34
3	38
ГЛАВА 4	43
1	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Самаров

Особо секретное оружие

ПРОЛОГ

Подмосковье, Москва, июль 1974 года

Едут всю ночь...

Дорога тряская, тяжеловесный «ГАЗ-66» не знает, что такое препятствия, и потому не смущается от присутствия ям и колдобин. А дорога, похоже, только из них одних и состоит. И, должно быть, военный грузовик никогда не слышал, что у машин существуют рессоры и амортизаторы. По крайней мере, у него их точно не нашлось бы при самом тщательном осмотре. Так кажется трем офицерам, сидящим в кузове под брезентовым покрытием.

Четвертый офицер – старший – устроился в кабине. Дважды за время дороги машина останавливается. Старший офицер меняет за рулем солдата-водителя, потом солдат-водитель меняет старшего офицера. Оба уматываются от такого пути. В третий раз «шестьдесят шестой» останавливается уже после того, как они проезжают указатель границы города Москвы.

Офицеры в кузове молча переводят дыхание, сплевывая пыль прямо на металлический пол, когда слегка откидывается полог над задним бортом.

– Пересадка, товарищи капитаны... – коротко сообщает старший офицер. – Вы приехали, а нам еще назад... Желательно побыстрее...

Капитаны выпрыгивают на шоссе. Рядом с «шестьдесят шестым» стоит старенькая побитая «двадцать первая» «Волга» аппетитного, свежего в утреннем свете кремового цвета. Номер гражданский, как все трое сразу замечают. За рулем человек в гражданской одежде. По возрасту – тянет на старшего офицера.

Дверцы распахнуты. Капитаны садятся втроем на заднее сиденье, потому что переднее красноречиво занимает толстый потрепанный портфель. Человек за рулем не говорит ни слова, даже не представляется. Но капитаны понимают, что он выполняет инструкцию, и сами на разговор не нарываюся. Не впервой такое дело...

«Волга» едет быстро. Утренние столичные дороги пустынные. Изредка им попадаетеся навстречу какая-нибудь легковая машина, дважды цистерны поливают еще не нагретый асфальт. Москва ожидает появления солнца. А солнце появляется как раз в тот момент, когда «Волга» подъезжает к зданию ГРУ. Здесь их уже встречает сухощавый майор в очках и сразу проводит в подъезд. Пропуска уже готовы. Пропуска с фотографиями, но на вымышленные фамилии. На те фамилии, которые указаны в первых документах, лежащих в верхних карманах. В других карманах лежат совсем другие документы, с которыми они будут выходить из здания...

* * *

Генерал-лейтенант сидит за столом. Молчит, угрюмо передвигая от одной руки к другой тяжелую хрустальную пепельницу. У пепельницы снизу подклеена бархатная подкладка, и потому передвижения тяжелого хрусталя по полированной поверхности беззвучны. И не остается царапин. От руки к руке, от руки к руке... И так уже несколько минут...

Капитаны сидят за приставным столом прямо, не прислоняясь спинами к спинкам стульев. Их впервые вызвали на такой высокий уровень. Генерал даже не представился им, и они не знают, как себя вести. Впрочем, как себя вести сейчас – это не слишком важно. Вот как им

вести себя потом – это главное, это и есть причина такого срочного – по тревоге! – вызова в Москву. А это им объясняет полковник, который ходит между приставным столом и окнами.

– Итак, мы имеем в наличии агента, который в третий раз присылает нам тонко подобранные, но откровенно фиктивные данные. Зовут этого человека мистер Челсми. Джефферсон Челсми, гражданин Соединенных Штатов, пятидесяти восьми лет от роду, по профессии специалист по твердому ракетному топливу. Больше десятка лет назад он сам предложил нам сотрудничество исключительно из коммерческих побуждений и ранее всегда был аккуратен и точен. Уточняю – ранее...

Полковник переводит дыхание, останавливается и смотрит на генерала. Пепельница замирает между двух ладоней в ожидании продолжения. Полковник вздыхает еще раз и продолжает движение вдоль приставного стола и обратно, одновременно возобновляя рассказ. В такт его шагам снова начинает совершать челночные передвижения пепельница.

– Около восьми месяцев назад мистер Челсми внезапно пропал и не выходил на связь в течение девяти недель. Сам оправдывает это внезапной болезнью. Проверкой установлено, что он действительно болел, но не настолько тяжело, чтобы отказаться от сеансов связи. В настоящее время мистер Челсми требует прибытия курьера для передачи последнему важных материалов, которые невозможно отправить иным образом – только из рук в руки. До этого он уже дважды работал через курьера. Получал перекодировочные таблицы для себя и отправлял материалы нам. При этом он знает или скорее предполагает, что курьер прибывает не к нему одному. В одну из таких встреч, когда мистер Челсми доложил о необходимости передачи посылки, курьер прибыл к нему через шесть часов. Следовательно, прибыл с территории США. Вполне вероятно, что он по каким-то признакам узнал в нем настоящего, что называется, стопроцентного американца, как и было в действительности.

В этот раз мы предполагаем два варианта. Согласно первому наш агент раскрыт и через него нам гонят «дезу». Что следует делать с раскрытым агентом, вы, надеюсь, понимаете лучше меня. Согласно второму варианту мистер Челсми перевербован и согласился работать на американские спецслужбы, чтобы искупить свою вину. Этот вариант для вас должен быть еще более понятен, потому что мистер Челсми видел в лицо нашего человека, принимавшего у него посылку. Этот человек живет в США и занимает ответственный пост в одном из важнейших правительственных департаментов. Не исключена случайная встреча. Это недопустимо... Согласно третьему варианту это все совпадение, набор случайностей, который может лишить нас ценного агента.

Полковник снова останавливается и смотрит на генерала. Точно так же останавливается на столе пепельница, но теперь генерал кивает, предлагая продолжить.

– Ваша задача, – продолжает полковник, – прибыть на встречу с агентом Челсми. Один – «курьер», двое – страховка. Из страховки один обязательно должен работать без «включения», чтобы ориентироваться в обстановке. Курьер и второй страхующий могут при необходимости «включаться». Если встреча пройдет без эксцессов, материалы, полученные от агента, передадите там же, в Нью-Йорке, нашему резиденту, чтобы он разобрался, оценил степень подлинности и подтвердил необходимость срочной переправки. В противном случае это ловушка и за вами следят. Возможно, как раз с целью выявить резидента. Инструкции о том, как себя вести в такой ситуации, вы получите в отделе. Особо разработан вариант с передачей материалов. Здесь следует сработать предельно четко. Накладок быть не должно. Но все это – самый простой вариант, который не потребует от вас приложения ваших индивидуальных способностей. Теперь другой вариант...

Полковник вздыхает в очередной раз.

– Курьера попытаются «взять» при передаче материалов... В этом случае в действие вступаете все трое. И не оставляете свидетелей... В том числе и мистера Джефферсона Челсми... Вы готовы к выполнению?

– Так точно. – Три капитана встают одновременно.

– Вот что, сынки... – впервые вступает в разговор генерал-лейтенант. Пепельница в его руках замирает, между пальцев появляется коробок со спичками, и в рот отправляется сигарета. Генерал прикуривает, выпускает в сторону потолка тугую струю дыма. – Много мы спорили и все-таки решили доверить это дело вам... Никто еще не знает, что вы собой представляете... Сам профессор Васильев этого не знает... То, что он предполагает... Это... Многие считают его эксперимент фантастикой... А у нас ситуация слишком серьезная, чтобы заниматься реализацией спорных проектов. И тем не менее мы готовы рискнуть, потому что любая иная операция требует длительной подготовки. А мы в глубоком цейтноте...

Новая струя дыма уходит к потолку. Генерал осматривает капитанов по очереди, заглядывая им в глаза.

– Сделайте это... – Он не приказывает, а просит... И даже голос у генерала жалобный...

* * *

США, Нью-Йорк, август 1974 года

Тридцать третья street выходит на ту сторону знаменитого нью-йоркского Центрального парка, что, в отличие от других сторон долгого и замысловатого периметра, имеет невысокую металлическую ограду – перешагнуть взрослому человеку без проблем. И перешагивают, у кого появляется надобность. Американцы, в отличие от дисциплинированных европейцев, из всех общепринятых правил уважают только правила дорожного движения, а на остальные пренебрежительно плюют, считая удобное привычно-необходимым.

Именно так и поступает нервный полный человек, вышедший с Тридцать третьей. Он пересекает Парк-авеню, где в это время почти нет автомобильного движения и только велосипедисты время от времени пытаются обогнать друг друга. Велосипедисты обычно приходят на смену любителям утреннего бега. Однако сейчас на улице видно и несколько неторопливых, отнюдь не спортивного вида бегунов. Припозднились... Такие всегда находятся... Человек пересекает тротуар, потом скошенный в сторону тротуара узкий газон. Дважды оглядывается на машину, выезжающую вслед за ним с Тридцать третьей же улицы. И только после этого неуклюже шагает через ограду, чтобы оказаться на парковой аллее, ведущей к искусственному гроту, прикрытому с трех сторон кустами дикой туи, слегка побитой сильными морозами минувшей зимы и потому даже в разгар лета не зелеными, а зелено-коричневыми.

Но и там, оказавшись уже в парке, полный человек постоянно оглядывается. Видно, как он нервничает и, сам того не замечая, постоянно перекладывает из руки в руку плотный сверток. Однажды даже чуть не роняет его. Но ловит совсем у земли, резко для своего телосложения наклонившись. Однако перекладывать из руки в руку не перестает. Сверток перевязан какой-то яркой праздничной лентой, он был бы похожим на подарок, если бы не грубая бумага, использованная для упаковки.

На аллее, несмотря на ранний час, уже есть гуляющие, хотя только вчера в это же самое время она была пустынной. Сегодня какой-то злостный курильщик за полчаса набросал перед собой целую кучу окурков. А широкоплечий молодой негр, которому впору бы океанские суда без помощи крана разгружать, медленно прогуливается, нюхая небольшой букетик цветов и мечтательно закатывая удивительно круглые глаза – похоже, пришел на утреннее свидание. Кто знает современную молодежь... В былые времена свидания назначались вечером, а сейчас...

Полный человек вытирает со лба обильный пот, хотя погода не такая и жаркая, чтобы заставлять кого-то изнемогать от солнечных лучей, и, еще раз оглянувшись, решительно направляется в сторону грота.

* * *

Полный человек, все так же нервничая и по-прежнему обильно потея, проходит мимо пешего и совсем не вспотевшего велосипедиста, медленно катящего свою машину, придерживая ее не за руль, а за сиденье – то ли так удобнее, то ли просто играет сам с собой. Лицо велосипедиста прикрыто большими солнечными очками. Очки зеркальные. В них смотреться можно. Полный человек испуганно пытается посмотреть в это проходящее зеркало, будто бы старается узнать. Это вынуждает велосипедиста опустить очки на нос и ответить вопросительным взглядом на встречный взгляд. Полный человек смущается, виновато кивает и проходит еще несколько шагов, чтобы сесть на скамеечке возле грота и осмотреться.

Велосипедист проходит дальше, садится на следующей скамеечке и занимается починкой своего механизма. Здесь все еще сидит влюбленный в сигаретный дым немолодой рыжий господин и курит, почти разжевывая, новую сигарету. Велосипедист явно мешает немолодому господину наблюдать за полным мужчиной, и тот слегка нервничает.

С противоположного конца аллеи в сторону грота идет еще один человек – среднего роста, сухощавый, в белой рубашке с засученными рукавами. Этой приближающейся фигурой явно интересуется немолодой господин, которому сидящий велосипедист закрывает обзор.

– Парень, катился бы ты отсюда... – говорит немолодой рыжий господин велосипедисту достаточно грубоватым голосом. – Катись, катись, не то плохо придется...

– Wenn ich jetzt Sie in die Stirn, Schlage, Ihnen wenig nicht erscheinen werde...¹ – отвечает велосипедист с милой улыбкой.

– Немец, что ли? Понаехало тут вас, капустников и сосисочников... – Немолодой рыжий господин улавливает жесткое произношение, узнает язык, вздыхает обреченно и бросает взгляд на негра с букетиком. Человек в белой рубашке только-только миновал негра и направляется дальше в сторону грота. – Как тебе, идиоту, объяснить, что здесь сейчас, может, стрелять будут...

– Ich hoffe mich, das alles ohne Schießen umgegangen werden wird... Regen Sie sich nicht auf...²

– Козел... – только и находит что сказать немолодой рыжий господин.

Велосипедист вежливо улыбается и отрицательно качает головой. Теперь молча. Но смотрит он не в сторону приближающегося человека в белой рубашке с засученными рукавами, а в противоположный конец аллеи, где пересекли газон и взобрались на горку два новых велосипедиста. Эти велосипеды не катят. В седле выглядят ковбоями – по крайней мере, их шляпы говорят об этом, хотя отсутствие шпор вызывает сомнение в правильности определения. Новые велосипедисты пока никуда не едут, что-то обсуждают, активно жестикулируя.

* * *

Полный мужчина тоже видит человека в белой рубашке. Выбирает момент, поднимается и движется навстречу с таким расчетом, чтобы сойтись около грота. Так и происходит. Они встречаются и сразу сворачивают в сам грот, который скрывает их от посторонних глаз. В этот же момент подскакивает со скамейки любитель паркового курения и срывается с места, потряхивая редковатыми рыжими волосами. Из-за торопливости он выглядит заводной игрушкой,

¹ Если я сейчас дам вам в лоб, вам мало не покажется... (нем.)

² Я надеюсь, что все обойдется без стрельбы... Не волнуйтесь... (нем)

смешно перебирающей ногами. Тут же решается посетить грот и негр с букетиком. Тоже ускоряет шаг, могуче шевеля плечами.

Велосипедист-немец поднимается со скамейки – ремонт закончен – и устраивается в седле. Видит, как навстречу ему по аллее, набирая скорость при движении под уклон, катятся велосипедисты-ковбои. Он разгоняется им навстречу, чтобы сама встреча произошла в самом низком месте и на самой высокой с обеих сторон скорости. Набрав нужную скорость, велосипедист-немец отпускает руль и садится в седле прямо. Дорожка ровная, отчего же ему так не ехать, если он умеет это делать. Велосипедисты-ковбои вынужденно принимают чуть в стороны, освобождая посередине место для проезда. Немец не видит, что происходит у него за спиной. Он совсем не интересуется гротом, но ковбои больше смотрят вперед, чем на то, что ближе. Их как раз сам грот и люди в нем и возле него и интересуют. И потому они пропускают момент, когда встреча трех велосипедистов происходит и немец просто выбрасывает в стороны руки. Проехав по инерции еще несколько метров, ковбои падают по обе стороны дорожки так, словно их здесь и не было. Немец резко тормозит, почти разворачивая свой велосипед на покрывающей дорожку гравийной подсыпке, аккуратно кладет его и возвращается на несколько шагов, чтобы полюбопытствовать здоровьем ковбоев. И у того и у другого из горла торчат короткие стрелки. Только убедившись в качестве своей работы, немец поворачивает голову в сторону грота. Пожилой рыжий господин уже вошел туда, а негр уже выходит, пятясь и отмахиваясь кулаками. Немец знает, что там происходит, и не желает подходить близко, потому что это небезопасно даже для него.

Негр что-то кричит. Не слишком громко, но люди, находящиеся рядом, должны его услышать. Взгляд негра обращен в сторону кустов туи. Немец знает, что он ждет помощи оттуда. Но эта помощь уже не сможет прийти. И это означает, что негру пришел конец. Самая большая ошибка, которую негр допускает, – он теряет темп, пытаясь вытащить из кобуры пистолет. Пистолет уже вытащен, но тут негра настигает рука человека в белой рубашке с засученными рукавами. Удар в грудь. Вроде бы такого мощного молодого негра невозможно даже остановить ударом в грудь. Но немец хорошо знает, что если удар наносится в нужную точку, под правильным углом и достаточно резко, то сразу останавливается сердце.

Дело сделано... Из грота никто не выходит... Человек в белой рубашке с засученными рукавами стоит, озираясь в поисках следующей жертвы. Немец даже за куст прячется, чтобы тот его не увидел. Но проходит несколько мгновений, и руки человека в белой рубашке опускаются. Почти одновременно немец замечает, как из-за грота выходит и тоже наблюдает за товарищем еще один человек. И только убедившись, что время «включения» прошло, выходит на открытое место. Тогда и немец садится на свой велосипед и направляется к гроту. На ходу отстегивает прикрученную позади сиденья большую фляжку с водой. Необходимо вымыть руки людям у грота.

Руки и у того и у другого в крови...

Часть I

ГЛАВА 1

1

Поворачиваться, конечно, нельзя, хотя все нутро просит сделать это. Даже шея гудит, как колокол, требует поворота. Так всегда бывает – очень хочется сделать то, что делать нельзя... Человек так, что ли, устроен? Когда-то Адам с Евой в подобной ситуации не смогли сдержаться и сорвали пресловутое яблоко...

Изгнание из рая – пустяк в сравнении с тем, что будет, если ему обернуться, когда оборачиваться нельзя... Так его учили...

Ему оборачиваться нельзя потому, что он замечает за собой «хвост»... Хочется думать, замечает сразу, как только этот «хвост» появляется. Вчера его, кажется, не было... Наверняка не было – так вернее будет... По крайней мере, профессионализм у Алданова был высокий и не совсем растерялся с годами. И опыт основательный... Этот опыт можно только спрятать от других, привычно не слишком внимательных и лишь изредка имеющих манеру приглядываться. Спрятать так, чтобы никто и никогда не догадался. Но его нельзя полностью растерять, невозможно... Он впитался в тело, проник в каждую каплю крови и, возможно, изменил структуру генной спирали – восточные философы называют это наработкой отрицательной кармы. И никак он не позволяет даже сейчас, много лет спустя, позволить себе расслабиться хотя бы на минуту. К сожалению, не позволяет... Устаешь от этого, честное слово, чертовски за долгие годы устаешь... Рад бы, как говорится, да грехи не отпускают ни наяву, ни во сне...

«Хвост»... Как ни странно, это не столько неприятно, сколько любопытно... Скуку развеивает...

Два парня лет около двадцати пяти – тридцати, высокие, крепкие, в себе основательно уверенные, вальяжно встают со скамейки у соседнего подъезда, как только Виктор Егорович, шаркая ногами, как и положено это делать старику, сворачивает в сторону арки, выходящей из двора, и неторопливо «гуляют» за ним – он видит их отражение в темном и давно не мытом стекле «бендежки» непротрезвевающих слесарей. Не стекло, а идеальное зеркало... А за кустами темнолистной, густо растущей сирени, давно уже потерявшей весеннюю свежесть на летней жаре, он замечает третьего – откровенно прячущегося, но прятаться, с точки зрения профессионала, не умеющего. Да и не только с точки зрения профессионала. Дети, играя, делают это несравненно лучше и с большей фантазией. Пусть бы просто стоял там в полный рост. Мало ли какая человеческая нужда возникла после нескольких бутылок пива... Так нет ведь... Пригнулся, чтобы голову заметно не было, а ноги-то даже дураку без бинокля видно... Дилетантизм откровенный... В хорошие советские времена, помнится, за такое сразу убивали... Сейчас времена не самые хорошие, Виктор Егорович не носит с собой оружия и потому решает убить не сразу – но обувь запоминает, чтобы не ошибиться при случае, который вскоре обязательно представится. Раз уж что-то началось, то представится обязательно... В этом грех сомневаться...

Говоря честно, Алданов просто обиделся на такое к себе неуважительное отношение. Если его начали «вести», то это должны делать профессионалы – не всех старых сумели во времена первого российского президента «вытравить», да и новых уже, надо думать, воспитали – время было... И уж никак нельзя доверять это дело неумным и неопытным филерам. И ГРУ, и ФСБ, и внешняя разведка профессионалами располагают. Значит, это не они. Менты?... Воз-

можно, но что за дело может у ментов быть к нему, майору ГРУ в отставке. Давно уже, много лет в отставке... Никакого не может быть дела, потому что здесь, в России, за Виктором Егоровичем нет ни одного мало-мальски подозрительного следа... Он только за границей работал...

Значит, это и не менты...

Тогда кто это может быть?..

* * *

Не бояться его... И напрасно! Плохо их в детстве учили... Детский стишок такой был: «Эй, не подходите близко – я тигренок, а не киска...» Престарелый тигр тоже считается тигренком... Не понимают?

Да что, в конце-то концов, может сделать старик!..

Да-да, именно так... Они могут только так и не иначе подумать... Это основной мотив поведения, которым руководствуются филеры... или кто там они такие... В самом деле – кто они такие?.. Кто?.. Основной вопрос... Но основной вопрос можно осмыслить чуть позже... Сейчас главное – правильно «просчитать» ситуацию и принять решение об адекватности действий... Они идут за Алдановым откровенно, с честной и всем заметной душевной подлостью, и не знают, что он начинает «включаться»... Скорее всего это даже не филеры... Судя по поведению, это непрофессиональная «группа захвата»... Наверняка где-то там, за аркой, в тихом переулке, где в это жаркое время можно встретить только драного подвального кота, загнанного на дерево бездомной, не менее драной собакой, стоит машина и еще один человек страхует, перекрывает путь. Это обязательно даже для дураков и не подлежит никакому обсуждению. Эти скорее всего дураки конченные... Но все равно сообразят...

Четверо... Четверо крепких парней против пару дней не бритого, не блещущего выправкой шестидесятилетнего старика, всегда шаркающего ногами, как и положено шаркать неприметному горожанину, чертовски уставшему от жизни, от одиночества... И еще они обязательно обратят внимание на то, что он ходит в тапочках... Это, подумают, от болезни и от старческого бессилия... Обуваться тяжело... Спина нагруженная болит... Ноги болят... Люмбаго, склерозы и прочее... Даже при том, что они знают его прошлое, а они, думается, обязаны знать это, если к Виктору Егоровичу привязались, беспокойства парни не чувствуют. Просто природная наглость недоумков не позволяет им его чувствовать...

А ему выучка не позволяет показывать свое физическое значение... Настоящее физическое значение... Оголенные провода никогда не говорят, какое напряжение бежит по ним... Это можно понять, только взяв в руки два контакта... Виктор Егорович всегда чувствует себя оголенным проводом, по которому пропущено слишком сильное напряжение, чтобы простые люди могли ему сопротивляться – каждая рука представляет собой тот самый контакт... Но он традиционно показывает обратное. Он обязан показывать свою безопасность, чтобы оставаться всегда, даже в преклонном возрасте, предельно, даже чрезвычайно опасным.

Высокое напряжение!

Арка, выходя из двора, заканчивается металлическими воротами, одна створка которых плотно закатана под асфальт уже полтора десятилетия тому назад. Вторая висит на одной петле, и ее почему-то асфальтом не закрепили. Асфальта, наверное, не хватило... Калитки вообще нет. Когда-то давным-давно существовали в обществе пионеры, которые собирали металлолом для народного хозяйства. Они калитку и унесли. Это было еще до того, как створку ворот под асфальт укатали, – Виктор Егорович помнит разговор по этому поводу с ныне покойным общительным дворником, гордым тем, что он являлся представителем целой династии дворников...

Поворот в переулок. Естественно, поворот по большому радиусу, как только и позволяют повернуть бескалиточные ворота. Да и не будь ворот вообще, он все равно бы повернул именно так, чтобы не подставить себя под случайный удар с короткой дистанции – с короткой дистан-

ции плохо видно наносимый удар, слишком мало дается времени, чтобы к нему подготовиться. Группа захвата всегда начинает бить на опережение, а уже потом разбираться... Наверное, и со стариком поступят так же, учитывая его прошлое...

Виктор Егорович поворачивает и видит почти то, что ожидал увидеть.

Рядом с входом во двор стоит микроавтобус «Скорой помощи». Громила в белом халате – с такой мордой только больных в психбольнице пугать! – откровенно смотрит на Алданова. Боковая дверца в микроавтобусе приглашающе распахнута. И ускоряется звук шагов за спиной... Топ... Топ... Топ... Уверенные шаги... Глупые...

Началось...

Но началось поздно... Для них – поздно... Бездарно опоздали... Алданов успел уже «включиться», то есть он уже преодолел психический барьер, отделяющий его от обычного человека – невзрачного усталого старикашки, внешне не способного к серьезному сопротивлению, – до человека-оружия... Он поднимает глаза на громилу, но тот не видит в этих глазах ничего, кроме холодного льда. Иногда такой взгляд может напугать – это проверено многократно, но сейчас Виктор Егорович умышленно делает так, чтобы показаться совсем слабым и мало способным к сопротивлению. Это в какой-то степени маскирует взгляд...

– Сынок... – хрипло и слабо зовет он верзилу и поднимает руку, ища опору в руке противника.

Тот смотрит внимательно и восхитительно неумно.

– Чего те?..

– Сынок... Ты со «Скорой»... Отвези в больницу... Жара... Сердце прихватило...

Рука опору находит, и сильные пальцы прочно вцепляются в запястье. При необходимости можно было бы просто произвести рывок на себя с одновременным встречным посылом прямых напряженных пальцев под печень и одновременным защемлением при помощи жесткого большого пальца. Этого хватило бы громиле для длительного отдыха в той самой больнице. Диагноз известен заранее: разрыв брюшины, кишечная грыжа и в дополнение – кровоизлияние в печень с разрывом мягких тканей. Операция обязательна – разорванная, а вернее раздавленная, часть печени в этом случае удаляется. Сама операция не слишком сложная, но болезненная, как все операции на печени. А если сердце у громилы слабовато, то может сдохнуть от болевого шока прямо здесь...

– А паспорт у тебя, дедок, с собой? – раздается вдруг голос из-за плеча.

Кто-то пришел на помощь несообразительному громиле. И голос раздается, говоря честно, тоже не вдруг, потому что Алданов считал и слушал шаги. Он и второй голос услышать готов, потому что знает, что еще один парень за левым плечом первого. А где же третий? Третий из арки не выходит. Так и стоит пригнувшись за кустом сирени? Едва ли... Не мог он столько пива выпить... Столько в нормального человека не влезет...

А в противном случае... А в противном случае он отправился в квартиру к Алданову, чтобы что-то там поискать...

Но там искать нечего!

Это Алданов знает точно, потому что он вышел из школьного возраста очень давно, а до возраста старческого маразма еще не дошел и не держит в квартире никаких вещей, документов или фотографий, которые могут его скомпрометировать.

– С собой... – отвечает Виктор Егорович не поворачиваясь. – Зачем паспорт-то?..

– Без паспорта в нашей больнице не принимают...

Это оказывается чем-то неожиданным, и Виктору Егоровичу необходимо время и дополнительные данные на осмысление ситуации.

– Это какая больница? – спрашивает он, стремительно просчитывая в уме варианты.

– Частная...

– Это ж дорого... – Слабый голос по-прежнему хрипит. Более того, он даже слегка брюзжит со свойственным пенсионеру недовольством нынешними порядками в обществе. И слегка приоткрывается рот, словно пытается захватить побольше воздуха.

– Зато лечат хорошо...

Это не уговоры – это звучит как приговор.

– Ладно, везите... Я пенсию получил...

Ему не слишком вежливо помогают сесть в микроавтобус, попросту говоря, вталкивают. А взгляд старого разведчика привычно цепляется за все детали окружающего и отмечает сразу, что надпись и красный крест на борту машины просто-напросто наклеены. Пленка, которую всегда можно сорвать... Ребенок имеет возможность купить такую пленку и вывести знаки и надписи на простом струйном принтере. И вся проблема... Значит... Значит, это не официальные инстанции. Официальные инстанции не имеют проблем с тем, чтобы сделать настоящие документы и приобрести настоящую машину «Скорой помощи». Ее даже и приобретать не надо. Такая машина наверняка есть у всякой спецслужбы. И даже медиков могут прислать настоящих и более вежливых, чем врачи обыкновенной поликлиники. Алданов сам медикам никогда не верит, поскольку знает традиционное равнодушное отношение врачей к больным, и потому к ним не обращается, предпочитая лечиться самостоятельно. Но даже при этом он хорошо знает, что медик, как и любой другой человек, может быть убийцей. И даже более того, многих убийц отвращает вид пролитой крови – это известный, хотя и курьезный факт. Медик, как правило, таких сомнений не имеет. Но сейчас ему попались явно не медики и даже не коновалы...

Кто же это?.. Откуда берутся такие жертвы? Кто посылает наивных на верную смерть?..

Именно для того, чтобы прояснить ситуацию, он и садится к ним в машину. Садится, как безропотная престарелая овца, может быть, и подозревающая плохое, но не имеющая воли и здоровья воспротивиться силе...

2

Генерал ФСБ Геннадий Рудольфович Легкоступов³ сначала звонит по телефону и уже через пару минут собственной персоной входит в кабинет к полковнику Мочилову⁴. В этот раз не приходится заказывать для генерала пропуск, следовательно, он пришел в здание ГРУ не персонально к полковнику, а только заглянул по какой-то надобности, и пропуск ему заказывали в каком-то другом управлении или прямо в секретариате, то есть генерал сначала «прошелся» по начальству...

У Мочилова обширный кабинет, гораздо больше генеральского в здании на Лубянке, но мебель говорит о разнице в финансировании ведомств – она здесь старая и простенькая, чисто армейского образца. Как говорится, без изысков, лишь бы отвечала надобности, то есть была строго функциональной, пусть даже и разнокалиберной. Гостей здесь полковник принимает только служебных, которых тоже мало интересуют проблемы интерьера.

Опыт общения полковника с генералом не дает намека даже на дежурную улыбку со стороны полковника, и потому Юрий Петрович встречает этого гостя достаточно сухо. Просто встает из-за рабочего стола и протягивает руку, здороваясь. Генерал традиционно ходит в гражданском, не демонстрирует нарочитую демократичность, но и не настаивает на субординации. Полковник, хотя сам армеец, к пиетету перед высоким званием тоже склонности не имеет, поскольку знает: должность не позволяет ему носить мундир с лампасами, как и боль-

³ Один из второстепенных героев романов «На войне как на войне» и «Операция „Зомби“».

⁴ Один из второстепенных героев тех же и других романов.

шинство должностей бывших и настоящих армейских спецназовцев. И потому он может позволить себе некоторую вольность.

– Как здоровье, Юрий Петрович? Как семья?

Полковник усмехается:

– В прежнем объеме, товарищ генерал...

– То есть?..

Генералу не очень понятен полковничий лексикон.

– То есть пополнения семьи, учитывая не самые молодые мои и жены годы, пока не предвидится, до внуков тоже пока еще далеко, что же касается здоровья, то я никогда не болею, следовательно, и здесь не рассчитываю на изменения. Вы, Геннадий Рудольфович, по делу или просто по старой памяти заглянули? Так сказать, визит вежливости...

За время, что они не виделись, глубокий и длинный шрам на лице Мочилова – от брови через нос к нижней челюсти – стал значительно бледнее, хотя по-прежнему остается заметным и, вопреки поговорке, что мужчину шрамы украшают, сильно портит красивую физиономию полковника. Впрочем, сам он к шраму уже привык настолько, насколько можно привыкнуть к лысине или, наоборот, к густой и упрямой шевелюре. Жена привычно переживает из-за шрама больше, чем он сам, но на то она и женщина...

Генерал не самый радушный прием замечает.

– Сильно заняты?.. Понимаю, все мы бываем в таком положении, и меня уже предупреждали, что вы проводите в Чечне целый ряд одновременных мероприятий... Успокойтесь... По делу. – Генерал отвечает как обычно, сухо и сдержанно, и только после этого садится, не дожидаясь, когда полковник сам предложит ему это сделать. – Вы помните ту операцию, что проводили вы вместе с Интерполом полгода назад... Когда с помощью виртуальной мишени пытались подставить под ракетный удар крейсер, где совещались главы «Большой восьмерки»?

– В общих чертах хорошо помню. Но мы не участвовали непосредственно в операции, просто выполняли вспомогательные функции, когда арена действия переместилась в Чечню. Наши парни тогда отработали неплохо, а ваши вместе с Интерполом чуть не прозевали ракетную атаку. Вернее, они прозевали ее... И если бы не...

– Не совсем так... Но не будем сейчас возвращаться к подробностям и выяснять, кто как отработал, хотя в российском подсекторе Интерпола по борьбе с терроризмом работает только один бывший наш сотрудник, а все остальные ваши питомцы... Меня интересует противоположная сторона. Действиями террористов тогда руководил тоже бывший ваш сотрудник, отставной офицер спецназа – Талгат Хамидович Абдукадыров. Помните вы такого?

Мочиллов вздыхает. Он уже не в первый раз слышит упрек в адрес спецназа ГРУ только потому, что бывшие офицеры где-то как-то себя проявляют. Будто бы он возглавляет управление кадров минувших времен и лично ответствен за действия всех бывших и настоящих офицеров и солдат спецназа. Шрам на лице полковника после такого упрека слегка краснеет, показывая подступающее возбуждение. Но отвечает Юрий Петрович так, словно он слегка сожалеет о случившемся.

– Да... Служил такой у нас... Я с ним лично был хорошо и по-доброму знаком, хотя долго ничего о нем не слышал, с тех самых пор, как его комиссовали. Но во время проведения операции вынужденно навел справки. Через Интерпол... Теперь, можно сказать, поверхностно знаком заново... Хороший, признаюсь, был офицер, отличная, к сожалению, школа, и это, естественно, плохо для нас... Сейчас Талгат Хамидович стал опасным террористом, с которым не каждому дано справиться... И надо просить у бога случай, который сведет его со спецназовцами настоящими... Нашими же...

– Согласен... Далеко не каждому, как вы верно заметили, дано с ним справиться... Его в завершающей фазе операции, когда уже стало ясно, что все действия террористов провалились, засекли по мобильнику в Турции. Предприняли попытку задержания прямо на авто-

трассе. Застрелили двух его помощников. Сразу, чтобы не мешались. Самого Абдукадырова было приказано брать живым, чтобы выяснить его связи. Он прямо на месте один уложил шестерых сотрудников Интерпола и ушел отстреливаясь... Во время отхода ранил еще троих... Последних... Хорошо хотя бы то, что не вернулся добивать, хотя имел такую возможность...

Полковник кивает и смотрит в бумаги на столе, а не в глаза генералу, словно знает, о чем пойдет речь дальше. Генерал всегда начинает не с того, о чем хочет говорить. Это привычка всех бывших сотрудников КГБ неплохо используется нынешними сотрудниками ФСБ. Но и Мочиллов умеет общаться на соответствующем моменту уровне, иначе он не сидел бы в этом московском кабинете, а до сих пор занимал бы какой-то пост в одной из бригад спецназа где-то в военном округе.

– Я слышал об этом. К сожалению, на месте не было российского подсектора Интерпола, иначе, могу дать вам, товарищ генерал, гарантию, он не ушел бы... Как раз потому, что там служат бывшие спецназовцы, в том числе и ваши хорошие знакомые. Я имею в виду Ангелова и Пулатова⁵, которых вы достаточно долго и безуспешно преследовали... Кажется, даже с потерями в личном составе отдела... Так что вы сами знаете, что такое наши парни...

Сухое лицо Геннадия Рудольфовича выражает что-то, что должно бы, по его мнению, изображать недоверие к словам полковника. Слегка нарочито, как замечает Юрий Петрович. Слова про Ангелова и Пулатова генерал пропускает мимо ушей, потому что они никак не работают на его нынешнюю цель и даже мешают ей.

– Однако ушел же он раньше от вашего хваленного майора Сохно... Так мне рассказывали...

Движение пальцев только подтверждает высказанное мнение и предшествующую этому мину лица. Чуть-чуть пренебрежительный жест, показывающий отношение представителя одной силовой структуры к другой. При этом каждая структура считает себя лучшей. Но это ли хочет показать Легкоступов?

Мочиллов оказывается прав в своих предположениях. Именно этого он и ожидал от генерала. Интересно только: к чему все эти разговоры ведут? И чем Сохно может заинтересовать ФСБ? Были у майора неприятности в период между первой и второй чеченскими кампаниями, но тогда удалось все благополучно замять, посадив на долгий срок районного прокурора, который очень хотел посадить на еще более долгий срок Сохно. Какой смысл поднимать старое? Или им просто Сохно очень понадобился для какого-то дела? Едва ли. Хороших боевиков у ФСБ хватает. Тогда, может быть, нужны личные связи, а не личные свойства майора?

Мочиллов разговор продолжает, но решает быть предельно осторожным. Он знает, что своих не сдают. Особенно такой организации, которую генерал представляет. И потому говорит полковник предельно жестко, чеканя слова и отделяя их друг от друга.

– Не ушел, а убежал в темноте пещеры, где, в отличие от Сохно, он знал каждый проход... Если вам правильно рассказывали, два офицера – бывший и настоящий, некогда в Афгане товарищи по оружию и даже почти друзья – устроили поединок на ножах, из которого майор Сохно вышел победителем, ранив противника в голову и практически ослепив кровью из раны. И после этого Абдукадыров в темноте, с залитым кровью лицом, убежал... Кроме того, знай Сохно еще тогда, что представляет собой Талгат, он бы не упустил его... Тогда еще никто не знал сути появления Абдукадырова в Чечне и его роли в операции, о которой ни мы, ни вы даже и не знали. Кроме того, я еще раз повторяю, что Абдукадыров давно выпал из поля зрения управления. У нас нет данных на бывших офицеров спецназа, проживающих за границей. Это не наша прерогатива, а скорее дело вашего ведомства. Потому простительно проявить, скажем так, небрежность в этом вопросе, когда сам вопрос касается человека, рядом с которым

⁵ Ангелов и Пулатов – герои романов «На войне как на войне» и «Операция „Зомби“». По действию романов, генерал Легкоступов организует преследование отставных капитанов с целью выявления секретных психологических разработок ГРУ.

ты несколько лет воевал... Которого имел основания называть другом... Более того, который пострадал в операции, которую проводил ты, пострадал, подстраховывая тебя, после чего был безжалостно уволен из армии и брошен на произвол судьбы... При этом совершенно не важно, что человек этот оказался чеченцем по национальности. Он все равно остается в подсознании Сохно тем самым Талгатом... Тем... Из того времени... И выдвигать обвинения...

Юрий Петрович, что называется, заводится: шрам активно краснеет. Но генерал останавливает его словоизлияния жестом руки.

– Может быть, может быть, не будем спорить... Меня даже не интересует этот вопрос – умышленную или неумышленную небрежность допустил Сохно... Я же говорю, что заглянул к вам поговорить о Талгате Хамидовиче Абдукадырове, потому что он снова выплыл на свет, уже в новом качестве...

Мочиллов наконец-то поднимает на генерала глаза. Понимает, что тот ничего против майора Сохно не имеет. Это чуть-чуть разряжает ситуацию.

– В каком, если мне будет позволено, товарищ генерал, любопытствовать, качестве?..

Генерал выдерживает значительную паузу, подчеркивая этим важность сообщения.

– Абдукадыров сейчас снова находится на территории Чечни и занят созданием собственного отряда ликвидаторов, которые, по планам, будут «обслуживать» административные органы республики. Руководящие органы... Возможно, они целятся и в руководящие органы России, но у нас пока нет таких сведений. Хотя предполагать более широкий вариант действий террористов мы, как вы понимаете, обязаны.

Полковник резко откидывается на спинку стула. Спинка от этого неосторожного движения скрипит, грозит отвалиться полностью и уронить человека на пол. Мочиллов этого словно не замечает и не спешит пересест в офисное кресло, стоящее рядом, перед компьютером. Наверное, привычка к стульям армейского образца сильнее желания получить удобства.

– Мне кажется, что все члены НВФ⁶боевиков являются штатными ликвидаторами, и не более, если судить по общеармейским меркам... – пожимает плечами Мочиллов. – Особенно это касается иностранных наемников. Только плохо подготовленными ликвидаторами... Для ведения нормальных боевых действий они не предназначены, потому что не имеют достаточных сил и просто-напросто не обучены методам ведения позиционных боевых действий. А любая партизанская война всегда в значительной степени сродни работе ликвидаторов. Единственно, Геннадий Рудольфович, я не совсем понимаю ваш интерес в этом вопросе. Насколько я помню, ваш отдел занимается несколько иными делами... Но если ко мне пришли именно вы, а не, скажем, генерал Астахов из «Альфы», значит, у вас есть определенный интерес к деятельности Абдукадырова. И спрашивая вас, я проявляю не любопытство, а выясняю направление нашей беседы...

Генерал сохраняет привычную суховатую невозмутимость.

– В том-то и дело, что Абдукадыров со своим новым мероприятием проходит именно по моему отделу. Он пытается создать в своем отряде такие системы и методы обучения, которые прямым образом вписываются в сферу наших интересов...

Полковник вопросительно поднимает брови. Он хорошо знает, чем занимается отдел генерала Легкоступова, потому что в течение длительного времени противодействовал ему, прикрывая Ангелова и Пулатова, а потом и сотрудничал, когда генерал вынужден был сотрудничать с теми же отставными офицерами спецназа.

– Влияние на психику?

– И это тоже...

– Тема, возможно, перспективная, если иметь под рукой соответствующих специалистов. Не понимаю только, какое отношение имеет к этому сам Абдукадыров. Он никогда не входил

⁶ НВФ – незаконные воинские формирования.

в группы офицеров, участвующие в экспериментах по... Ну, вы понимаете, по каким разработкам... Когда он лечился за границей, насколько мне известно, он тоже был не способен к активной разработке из-за психического состояния...

Полковник откровенно и красноречиво пожимает плечами.

– Тем не менее у нас есть такие сведения...

Генерал по обычной своей привычке кладет на стол обе ладони, как прилежный ученик в школе. Это означает у него наибольшее внимание и сосредоточение. И при этом, говоря, что у него есть какие-то сведения, отнюдь не спешит их выложить, хотя именно для этого и пришел. Автоматом срабатывает привычка данные брать, а не отдавать. А когда приходится отдавать, генерал интуитивно тянет время.

– И чем мы в состоянии помочь вам? Опять поднимается вопрос об Ангелове и Пулатове? – спрашивает полковник с откровенным неприятием. – Но они уже не наши сотрудники. А Интерпол вы не можете так терроризировать, как терроризировали нас... Тем более они сами – сотрудники антитеррористического бюро...

– Нет... Ангелов с Пулатовым здесь совершенно ни при чем. Разве что им, по новой своей сфере деятельности, придется столкнуться с воспитанниками школы Абдукадырова. У нас разговор о другом. Возникает вопрос о ваших ликвидаторах, которые служили в составе управления в середине семидесятых годов... Меня интересуют материалы некоего не совсем удачного эксперимента, проводимого в ваших лабораториях. Я, правда, не имею допуска к конечным результатам, но могу предположить, что эксперимент неудачный хотя бы потому, что он не нашел развития и дальнейшего применения после первых испытаний.

Мочиллов откровенно и категорично качает головой.

– Это закрытые данные...

Легкая улыбка на сухом лице генерала говорит о том, что он человек совсем не наивный.

– Официальное письмо-отношение о совместной деятельности и согласовании мероприятий уже подписано нашим директором и начальником ГРУ.

– Когда?

– Полчаса назад... Я только что из кабинета вашего начальника...

Юрий Петрович задумывается на несколько секунд.

– Я не совсем понимаю, о чем идет речь, но даже и наводить справки, как вы, товарищ генерал, понимаете, не буду, пока не получу конкретный приказ от своего командования.

Геннадий Рудольфович согласно кивает.

– Приказ вам передадут уже сегодня.

– Тогда буду рад помочь чем смогу, хотя в те годы экспериментов проводилось много...

– Экспериментов с психикой...

– В том числе и с психикой, в том числе и с генетикой, в том числе и с психотроникой и с психотропикой, и со многими не менее интересными вещами... Тогда на эти цели выделялись достаточные средства, и результат был... Американцы считали, что мы опережаем их в этих областях лет на двадцать пять, и выделяли астрономические суммы на погоню. Сейчас они опережают нас лет на пятьдесят, хотя двадцати пяти лет еще не прошло. Но какая связь у неудачного эксперимента с Талгатом Абдукадыровым – я пока не понимаю? Я повторяю, что он не проходит по лабораторным спискам. Я изучал его досье и могу дать вам гарантию, что...

Легкоступов отрицательно качает головой, прерывая уверения Мочилова.

– Ларчик открывается просто. То, что не устроило по каким-то причинам ГРУ, вполне устраивает его... И он желает этим воспользоваться... Не своим личным опытом, а чужим, о котором что-то знает... Мы не в курсе причины отказа ГРУ от продолжения эксперимента. Но должны это узнать и от этого отталкиваться.

– Я не знаю, о каком эксперименте идет речь, и потому не могу пока говорить аргументированно...

– Разрабатывался так называемый момент «включения» резервных систем функционирования организма человека в экстремальных обстоятельствах. Тема достаточно старая и опробована, пожалуй, всеми серьезными спецслужбами мира. В той или иной степени результат был достигнут. В йоге это называется пробуждением кундалини... Вы, вероятно, читали или слышали о таких моментах... Они бывают чаще всего непроизвольными. Женщина гуляет с ребенком в лесу. Падает дерево и придавливает ребенка. В испуге женщина приподнимает и оттаскивает в сторону тяжеленный ствол, чтобы освободить свое дите. А потом десяток здоровенных мужиков не могут сделать то же самое. У женщины в критический момент «проснулась» золотистая змейка кундалини, обычно спящая в нижней чакре, поднялась по позвоночному столбу, и это на какое-то время сообщило женщине небывалые физические возможности. Так утверждают йоги... Действительность знает немало примеров, подобных этому. Но, кроме йогов, никто не умеет осознанно и целенаправленно будить кундалини. Однако даже они приходят к такому путем многолетней практики, что, по вполне понятным причинам, не может устроить сотрудников силовых структур. Здесь нужен достаточно быстрый эффект обучения. И некоторый эффект был достигнут в ходе экспериментов, проводимых профессором Васильевым. Слышали про такого?

Полковник угрюмо кивает:

– Слышал, товарищ генерал, и даже занимался под его руководством...

– Обучались?

– Методам психологической разгрузки и прочим мелочам типа вхождения в состояние «ключа» – саморегуляция... К сожалению, полковник Васильев рано ушел из жизни, не завершив многое из начатого. Когда прекратилось финансирование и закрыли его экспериментальную лабораторию, профессор перенес инфаркт, а через три месяца, когда его отправили на пенсию, и второй... Но я, повторяю, знаком с ним только по простейшим опытам работы со спецназом в период реабилитации и не в курсе других его разработок, более фундаментальных. Вы сами понимаете, что не все и не каждому положено знать... У нас, как и у вас, режим секретности пока еще не отменяли...

– Тем не менее Талгат Абдукадыров о работах Васильева знает...

– Я допускаю мысль, что Абдукадыров что-то от кого-то слышал... Это порой случается, потому что языки у разных людей устроены по-разному и болтаются с различной скоростью... Но я сомневаюсь, что Абдукадыров может знать подробности...

– Подробности не знаю и я. Но сегодня ваш начальник управления напишет приказ о вашем допуске к документам спецархива. И о моем допуске, кстати, тоже... Правда, ограниченном. На ваше, Юрий Петрович, усмотрение... И мы будем вместе работать по этому вопросу... Я, грубо говоря, под вашим присмотром... Или, если хотите, под вашей командой. Меня мало смущает разница в званиях... В последнюю нашу встречу мы совместными усилиями смогли добиться положительного результата. Постараемся добиться того же и сейчас... Надеюсь, в этот раз вам не придется использовать вместо танка пассажирский самолет⁷...

Мочиллов вздыхает откровенно и не старается скрыть свой вздох.

– Будет приказ – будем работать...

3

Тот, что предложил довести Виктора Егоровича до больницы и спрашивал про паспорт, похоже, командует. Начальственные флюиды излучает, а это любой разведчик уловить в состоянии. И даже не профессиональный разведчик, а просто наблюдательный человек. Виктор Егорович ждет внутри микроавтобуса, а командир отходит в сторону и звонит кому-то по

⁷ Действие романа «Операция „Зомби“».

мобильнику. Меньше чем через минуту из арки, плоскостопом косолапя, выходит четвертый. Обменивается с командиром парой фраз. Обыскать квартиру, значит, не сумел. Просто не успел бы еще... Зачем же он там задержался? Ах... Да... Паспорт... Им зачем-то нужен Алданов вместе с паспортом. Именно за паспортом четвертый и должен был подняться в старенькую, но просторную квартиру на втором этаже. Теперь этой надобности нет. Потому и вернулся. И звонил командир, конечно же, ему. Вернул с порога...

Садятся в салон. Командир на переднее сиденье, рядом с водителем. Значит, Алданов просчитал его статус верно. Машина срывается с места и быстро набирает скорость. Сильный, наверное, движок... Быстро в разгон вошли. Громила, встречавший Алданова у выхода из арки, сидит за рулем. В белом-то халате... Прокор! Где же эти дураки видели, чтобы водитель «Скорой помощи» ездил в белом халате, тогда как «врачи» все в обычной одежде. Да будь и «врачи» в белых халатах, водителю он совершенно ни к чему... Ладно, господь простит их, а вот Виктор Егорович – едва ли... Они сами, должно быть, не позволяют себя простить, судя по тому, как развиваются события.

Эти парни могут чего-то не знать... Судя по их подготовке, они не знают главного – что начали работать против *одного из трех, кто умеет ЭТО...*

* * *

Любой москвич сообразит... И потому дольше молчать нельзя... Иначе можешь себя выдать и вызвать подозрения. Не надо подозрений... Не надо...

– Ребята, куда мы едем?

И попытаться заглянуть в глаза... Слегка виновато и просяще... Даже моляще... Испуг! Естественный испуг, вызванный непониманием ситуации! Театр!.. Цирк!.. Реприза коверного!..

Слабее голос... Слабее... Беспомощнее надо говорить... Совсем беспомощно... И больше испуга добавить... А как тут не испугаться простому человеку, старику, жизнь одиноко доживающему... Машина явно направляется к выезду из города. Как от такого не обеспокоиться...

Именно, реприза коверного! Коверного, клоуна, все зрители должны считать смешным неумехой, а он обязан уметь делать самые сложные трюки не хуже акробата или жонглера. Он обязан уметь делать то, чего от него не ожидают. И только тогда получает аплодисменты...

Но на беспокойство коверного никто не реагирует. С ним не считают нужным объясняться...

– Ребята...

Вот так... Теперь беспокойство выглядит вполне естественно... Откровенно слышатся эти нотки в голосе... Так он легко их убедит, они не умные...

Виктор Егорович тянется, берется за гибкую ленту пластиковой ручки, прикрепленной к потолку, и пытается приподняться. Рука подрагивает и от «неважного самочувствия», и от «страха». Тут же следует удар в лоб – без замаха. Даже и не удар, а только весомая отмашка кулаком, заставляющая его сесть на место. Кулак тяжеловатый, хотя и медленный, не приспособленный для боя. Алданов садится послушно. Армия приучила его к дисциплине. Но не забывает приложить правую руку к левому боку. Так они поймут правильно, потому что большинство людей считает, что сердце у человека находится в левой стороне груди, тогда как оно находится почти по центру – уж это-то Виктор Егорович хорошо знает. Просто в левой стороне оно лучше прослушивается...

– Осторожнее, не убей этого «кабысдоха»... – с переднего сиденья, сурово усмехнувшись, говорит командир. – От дохляка нам хрен ли проку будет...

– Ребята... – Чуть-чуть укоризны тоже следует поддать.

Значит, он очень нужен, в чем вообще-то Виктор Егорович и не сомневается, и обязательно живым... Это уже легче... Первоначальная информация получена, она дает толчок к моделированию дальнейшей ситуации и подтверждает, что скоро настанет время на получение остальных, желательно наиболее полных данных.

Не перестараться бы сразу, успеть информацию добыть...

Знает Виктор Егорович за собой беду такую же, как за *двумя остальными*. Невозможность вовремя остановиться! А остановиться бывает необходимо. Только момент торможения остается за пределами самоконтроля. Самоконтроль во «включенном» состоянии невозможен.

– Ребята... Чего хотите-то?.. – звучит естественный для ситуации вопрос. Не спросить так – то же самое, что не испугаться. Тоже, значит, подозрения вызывать. А голос получился хорош... Ничего не скажешь... Чуть не с плачем!

– Приедем в больницу, там тебе все и объясним... Будешь надоедать – в «смирительную рубашку» запеленаем... – острит тупой водитель и сам смеется.

Машина на скорости проезжает Кольцевую дорогу и спешит куда-то дальше, за город по шоссе, а скоро и вообще сворачивает на деревенский, потрескавшийся от жаркого лета проселок...

* * *

Подмосковный поселок встречает отнюдь не прохладой. И здесь жара висит над округой, хотя и не такая угнетающая, как в Москве, не такая автомобильно-выхлопная, не такая дымная, значительно менее цивилизованная, а потому более пригодная для нормальной, без головной боли, жизни. Тем не менее она даже в машине чувствуется, потому что металл кузова перегрелся в движении и передает жар в салон. Теперь уже машина едет не так быстро, как вначале. Дорога обыкновенная – русская. На такой не разгонишься.

Улица уродлива. Развалившиеся, давненько не выдавшие хозяйского глаза домишки соседствуют с безобразной коттеджной архитектурой. Каждый коттедж с башенками характеризует отсутствие вкуса у владельца, но это же сообщает о наличии средств к существованию. Два этажа – минимум... Без средств такое не построишь...

Конец улицы... Большой дом с каменным забором – одноэтажный и деревянный, под шиферной, а не под черепичной крышей, один из немногих сохранившихся в поселке старых домов. Дощатая обшивка стен темна, но сделан, видимо, добротно. Только забор вокруг двора новый, предполагающий в скором будущем строительство и здесь.

Останавливаются против ворот. Открывают дверцу салона. Выходит только тот, у которого кулак чешется. Но Виктор Егорович смотрит не на кулак – кулак предмет слишком мало-характерный, хотя в виде аргумента выглядит убедительным, – он смотрит на обувь. Запомнил еще тогда, когда этот парень за кустами сирени прятался так глупо. Глупостью он себя еще тогда приговорил... А кулаком поставил на свой приговор окончательную персональную печать – «помилованию не подлежит»... Ну что же, против обстоятельств бороться должен уметь каждый мужчина, невзирая на возраст. Они борются со своими обстоятельствами. Алданов будет бороться со своими... А кто как научился с ними бороться – это личная проблема каждого. Или же – беда каждого, если проблема становится бедою... Тем более философы поговаривают, что люди сами склонны создавать себе соответствующие обстоятельства, адекватные внутреннему состоянию... Вот они и создали для себя, думая, что создают для него. Ситуацию-перевертыш... Такие часто в жизни случаются.

Но все же – ради чего они так стараются?..

Виктор Егорович снова берется за потолочную ручку-ленту, декларируя желание выйти. Действия очень неуверенны: рука естественно дрожит, и пальцы не могут сразу ухватиться за ручку, соскальзывают. Прекрасно! А говорили еще, что из Алданова актер плохой... Когда-то

в самом начале так говорили и учили его актерскому ремеслу... Чему-то научили... И жизнь потом заставила его быть хорошим актером. Он даже удовлетворение от этой игры чувствует.

– Сидеть! – рявкает командир, словно собаке дает команду.

Суровый голос, собаки такому всегда подчиняются, как и некоторые люди...

Алданов вздрагивает почти естественно и садится... Как собака...

Но и собаки бывают разных пород... Есть такие, что в бой рвутся с каждым встречным, не просчитывая последствия. Есть такие, что схватки благополучно избегают. Есть брехливые пустоголоски, которые только тьяканьем пугают, а в действительности всех боятся. А есть и мудрые псы, дающие более крупному противнику порезвиться, почувствовать свою силу, а потом, выбрав момент, доказывающие, что существует сила еще более мощная, которую внешне и предположить трудно. Эти быют только один раз – и наверняка, не оставляя противнику шанса...

* * *

Картинкой воспоминаний вдруг мелькает лицо инструктора. Инструктор держит перед собой руку – раскрытую ладонь. Смотрит на нее.

– Бить только на счет «Раз!»... И верить, что этим ударом вы страну, себя, собственную мать, жену, детей, весь мир, планету, всех – спасаете... У вас только один шанс. И он в единственном ударе... Верить должны... Верить... Вера – это главное...

ГЛАВА 2

1

– Вот именно таким образом мне и представляется все это дело...

Отпущенная рукой тяжелая штора колыхнется и закрывает окно. Штора из особой ткани, поставленной со складов штаб-квартиры Интерпола. Ткань своей тяжестью гасит вибрации стекла при разговоре внутри помещения и не позволяет дистанционному лазерному звукосни-мателю принимать с окна колебания, чтобы прослушать разговор. Александр Басаргин поворачи-вается к оконному стеклу спиной и неторопливо, размеренно шагает через комнату, словно меряет ее в ширину.

Все молчат, обдумывая ситуацию, которую стандартной назвать никак не возможно.

В офисе российского бюро подсектора Интерпола по борьбе с терроризмом сейчас более людно, чем обычно. Все сидят, только один руководитель бюро, как всегда бывает, когда он что-то продумывает, просто говорит или анализирует, разбирая варианты очередной задачи, ходит от окна до двери и обратно. И временами в окно выглядывает, словно там выискивает подсказку на вопрос, который сразу не может разрешить. Эту его давнишнюю привычку все знают и потому относятся к такому «гулянию» с пониманием. Говоря языком прикладной пси-хологии – обычный работающий идеомоторный акт, активизирующий привычные процессы.

На сей раз присутствующие разделились на две группы. На привычных местах сидят все сотрудники подсектора. Двухметровый гигант Виктор Юрьевич Гагарин по прозвищу Доктор Смерть, бывший майор медицинской службы, сидит в большом кресле перед компьютером и скребет пальцами, как граблями, свою жесткую бороду с обильной проседью. Его длинные, слегка выющиеся волосы заброшены за плечи. Бывший альфовец из первого состава прослав-ленного подразделения Андрей Вадимович Тобако спокойно смотрит в чистый лист бумаги, что положил перед собой, но не берет в руки ручку, лежащую на этом же листе, и ничего не записывает. Не тот случай, чтобы оставлять на память заметки. Привычно в углу поставил стул Дмитрий Дмитриевич Лосев по прозвищу Дым Дымыч Сохатый и слушает разговор с полуза-крытыми глазами, словно бы и совсем невнимательно, хотя все запоминает. Справа от него, верхом оседлав стул, сидит молчаливый чечен Зураб Хошиев. Рядом с плотно прикрытой две-рю в мягком кожаном кресле с высокой спинкой почти тонет маленький капитан – Виталий Пулатов, или просто Пулат. Он слушает командира и листает какой-то альбом с рисунками жены Басаргина – Александры, по профессии художницы, но часто помогающей по мере сил мужу и сотрудникам подсектора. Неразлучный товарищ Пулата Алексей Ангелов, или просто Ангел, занимает место посредине между своими и гостями. Почесывает подбородок. Ангел, по отцу болгарин, часто жалуется на своего волосатого родителя и на собственные гены, застав-ляющие его бриться дважды в день. Отсюда и привычка подбородок почесывать. Место, заня-тое Ангелом, понятно, потому что гостей привел его сын Сережа Ангелов, командир оператив-ной группы быстрого реагирования специального антитеррористического подразделения ООН «Пирамида». С младшим Ангелом пришли его помощники – японка Таку, нигериец Селим, мексиканский индеец Джон, больше похожий лицом на китайца или среднеазиата, и малазий-ский хакер Лари. Пришли с просьбой о сотрудничестве в деле, которое им разрешить собствен-ными силами невозможно. Но, как оказалось, интерполовцы от просьбы в восторг не пришли.

– И что мы еще можем сделать?... Вы тоже в наше положение войдите... – хмуро говорит Басаргин. – Мы понимаем вашу обеспокоенность действиями, которые предпринимает Талгат Абдукадыров, но сами не имеем возможности приблизиться к тем данным, которые вы ищете, и никак не можем помочь вам. Не просто потому, что у нас нет допуска к совершенно сек-

ретным документам ГРУ, поскольку являемся сотрудниками не российской, а международной силовой структуры. Я просто не могу, не имею права рассматривать это дело так же широко, как рассматриваете вы. И мои сотрудники не могут. Попросту говоря, я категорично запрещаю им это. Все мы бывшие российские офицеры, все мы давали присягу на верность своей стране. Присяга дается не на срок службы, а на всю жизнь. И вы, Сережа, тоже в свое время давали такую же присягу, но этот вопрос я оставляю целиком на вашей совести... А сейчас вы предлагаете нам помочь вам в сборе материалов по вопросу, который, несомненно, является военной тайной...

– Военной тайной СССР... – поправляет Селим и улыбается двумя рядами прекрасных белых зубов. – А не военной тайной России...

– Россия является прямым правопреемником СССР. Она даже долги СССР до сих пор выплачивает. И те советские тайны автоматически стали тайнами России. То есть, говоря нормальным, всем понятным языком, вы предлагаете нам заняться конкретным шпионажем в ущерб собственной стране, а мы видим это неприемлемым. Лично я вижу это таким образом. Но думаю, что и другие сотрудники бюро нашего подсектора относятся к вопросу точно так же...

– Но мы же в данном случае представляем не страну противника, политического или военного... – устало возражает младший Ангел. – Мы представляем международную организацию, в которую входит и Россия. Более того, наша организация создана при прямой поддержке российских органов власти. И мы ставим при этом перед собой цели не по усилению какой-то определенной силы, а по предотвращению реальной угрозы создания, по сути дела, нового типа шахидов, против которых практически не может существовать средств заблаговременного определения... Или берсерков, если вам угодно... Этот термин тоже подходит под определение... Или даже зомби, которых можно «включить» какой-то определенной командой на уничтожение себе подобных, в том числе, насколько нам известно, и друг друга... СССР – единственная страна в мире, которая когда-то сумела достичь определенных успехов в создании этих суперсолдат. Но СССР же от этой системы отказался, признав ее чрезвычайно опасной и малоконтролируемой. Следовательно, вам эта технология, доставшаяся России по наследству от СССР, тоже не нужна. Не только по временному, как я считаю, недостатку средств, но и по всем остальным параметрам. Но когда она попадет в руки террористам, мы можем ожидать тиражированной резни в разных районах мира. В любом месте, где террористам угодно оказать давление на правительство или даже правительства, в любой стране... Традиционный шахид, взрывая себя, уничтожает двух-трех стоящих рядом с ним человек... А «включенный» будет способен за несколько секунд уничтожить десяток. И это прежде, чем ему смогут оказать сопротивление. А если сразу не смогут, то число погибших возрастет в несколько раз...

– Это все звучит красиво и впечатляюще... Отдельными местами даже убедительно. Ну, если и не убедительно, то, по крайней мере, с долей истины... Только я не понимаю, где гарантия того, что эта технология обязательно и непременно попадет в руки Абдукадырову, – пожмает плечами вдумчивый Андрей Тобако. – То, что Абдукадыров служил в спецназе ГРУ, вовсе не говорит, что он знает все, что связано с этой специализированной единицей Российской армии. И донесения ваших осведомителей могут рассказывать только о стремлении Абдукадырова чего-то достичь, а вовсе не о том, что это достижимо.

– У него уже есть часть необходимых сведений, – говорит Сережа. – К сожалению, мы даже не знаем, какие сведения стали ему доступны. Но мы знаем, что он имеет конкретные пути для добывания остального. У нас же этих путей нет и нет надежды найти их, поскольку мы не можем применять те же методы, что и Абдукадыров.

Басаргин останавливается у двери и чуть наклоняется в ее сторону. Создается впечатление, будто он слушает, что происходит в коридоре, где сейчас никого нет и быть не может, потому что сложный для любой отмычки замок он лично закрывал, принимая гостей. И отве-

чает, стоя вполоборота к слушателям. Ему не хочется смотреть в лица людям. Слова говорят такие, что смотреть не хочется...

– Тем не менее мы просто не имеем права не сообщить о вашем интересе российским контролирующим органам. Я понимаю, что вам это выслушивать неприятно, так же как и мне это говорить. Все-таки между нашими группами установилось взаимопонимание, которым стоит дорожить. Однако ситуация такова. С другой стороны, я могу с уверенностью процентов на десять предположить и иное развитие событий. Может быть, наше сообщение сыграет положительную роль, если ФСБ самостоятельно возьмется за решение этого вопроса. Я даже не могу дать гарантию, что она категорично откажется подпустить вашу группу к своим мероприятиям. Но я согласен на всякий случай попробовать совместить необходимое и полезное, – говорит Басаргин и вздыхает, потому что сам оценивает задачу, которую ставит перед собой. – Я попрошу генерала Астахова из штаба «Альфы» встретиться с вами и выслушать ваши опасения.

– Это ни к чему, – после тяжелого и звучного вздоха говорит младший Ангел. И встает, показывая, что разочарован произошедшим непониманием. – Мы с Владимиром Васильевичем встречались сегодня утром и имели двухчасовую беседу, которая ни к чему, как вы понимаете, не привела. Он заинтересовался сообщением только на уровне любопытной информации, процентов на пятьдесят похожей на правду. И не более... Так внешне казалось... Хотя я вполне допускаю, что это только какая-то уловка, чтобы не подпустить нашу группу к расследованию, как у вас здесь все готовы считать, внутреннего российского вопроса. Но как вы не понимаете, что все вопросы технологической оснащенности террористов перестают быть национальными, как только попадают им в руки...

– Это мы понимаем... Но я предлагаю не обсуждать дальше неприятную для обеих сторон тему, потому что мы своей позиции менять не имеем права, а убедить вас в обратном не представляется нам возможным. Во всех других вопросах, касающихся охоты на Талгата Абдукадырова, мы готовы с вами сотрудничать, если на это даст «добро» наше руководство в Лионе.

– А не может ваше руководство приказать вам включиться в работу нашей группы? – спрашивает японка Таку. – Это, мне кажется, сняло бы некие этические проблемы... Мы, пожалуй, с некоторыми усилиями могли бы попробовать оказать необходимое давление на Лион...

– Наше руководство не может так поступить, поскольку знает, что при получении такого приказа вся группа немедленно подает документы на увольнение. Мы служим по найму и чувствуем себя вполне свободными людьми. – Басаргин говорит строго, чтобы японка поняла всю бесполезность увещаний и принципиальность вопроса обсуждения.

– Жалко, что мы не договорились, – снова вздыхает младший Ангел и смотрит на старшего Ангела, словно надеется в его лице найти поддержку. Но лицо отца хмуро и непроницаемо. Очевидно, что он полностью поддерживает в этом сложном вопросе Басаргина.

Телефонный звонок звучит спасительным вариантом для того, чтобы можно было прекратить разговор без обоюдной обиды.

– Это Астахов, – говорит Доктор Смерть, глянув на определитель номера, и включает спикерфон. – Добрый день, товарищ генерал. Это Гагарин. Мы вас слушаем.

– Здравствуйте все... У меня вопрос. Случаем к вам не заглянули ребята из «Пирамиды»?

– Случаем, Владимир Васильевич, заглянули. Они и сейчас у нас. С тем же результатом, что получили и в вашем кабинете. Неприятливо их встречают в нашей стране, нечего сказать...

– Я готов стать более приветливым... Попросите Сергея Алексеевича Ангелова сразу от вас пожаловать ко мне. Я заказал на него пропуск. Если есть возможность, пусть и Александр Игоревич с ним пожелует. Поскольку вопрос, с которым пирамидовцы к нам приехали, оказывается уже в стадии развернутого действия...

– Я еду, товарищ генерал, – через стол, и потому громко, говорит Сережа.

– И я тоже... – тоже громко добавляет Басаргин.

2

Утро чистое, роса звенит в траве. Тонко... Едва слышно... Только камнеголовые скоро-спелые вояки, каких сейчас кругом оказалось множество – с одной и с другой стороны, говорят, что роса никогда не звенит. Надо уметь слышать, как она звенит, если ты человек настолько же, насколько ты воин. В древности любой настоящий воин обязан был быть поэтом, иначе он превращался в простого убийцу. Нет, он не обязан был писать стихи, хотя лучше, чтобы он умел это делать. Но он обязан все окружающее видеть и понимать, как поэт, чувствовать, как поэт. Так старые рукописи рассказывают, переводы из которых когда-то читал Талгату старый Алимхан. Он и тогда уже был старей... Так казалось мальчишке Талгату... Казалось, что Алимхан был старым всегда...

Воин обязан быть поэтом... К сожалению, это дано отнюдь не каждому. Вот Талгату, к счастью, к его личному счастью, это дано. И потому он слышит, как звенит роса, когда ветерок колышет утреннюю траву и листья кустов. Он понимает, что его состояние и ощущение можно назвать чисто ностальгическими ассоциациями, и не более. Наверное, и это будет тоже правильным. Сами жители родного села не умеют слышать этот звон, хотя верят, что он существует. Так одна из старинных местных сказок рассказывает, которая до рукописей не дошла, оставшись только в народной памяти, – и ее тоже Алимхан рассказывал. Но Талгат уверен: земляки не умеют этого только до тех пор, пока не уедут из родных краев надолго. Он же сам вообще думал, что уезжает навсегда. Думал, что сумеет перебороть тугую как струна тягу в эти места. А приходится возвращаться. Сначала это происходило только мысленно, но очень часто, почти каждый вечер, стоило только Талгату остаться в одиночестве. Начинал вспоминать и ощущать родную долину, село, вытянувшееся вдоль этой долины и прикрытое с двух сторон отрогами хребтов и в дальнем своем конце стремительно, как птица, взмахивающая крылом, взлетающее на горный склон домами и тремя старинными каменными башнями. С этого склона когда-то, в глубокую старину, село и начиналось. Это потом оно вытянулось вдоль долины – наступили времена, когда можно было не ждать нападения врагов и строить там, где жить удобнее, но не безопаснее. В воспоминаниях, именно в воспоминаниях Талгат начинал слышать, как звенит утренняя роса, потому что только это почему-то запало в голову. Вернее, в первую очередь это, а потом уже все остальное...

А потом он вернулся сюда в действительности. Путь назад ему никто не заказывал, и он всегда мог просто приехать домой, хотя связи с родными почти не поддерживал. И трижды делал это официально, но всегда в зимнее время. Присматривался, что дома происходит... А потом опять приехал, в четвертый раз, присмотревшись... Но он приехал не в гости, а чтобы применять то, чему его так хорошо и так долго, старательно учили лучшие специалисты Советской армии. Теперь уже против наследницы той армии – против армии российской. Правда, в тот раз, в последний, приехал опять зимой. Когда ни травы, ни росы... И ненадолго... В родное село заходил всего дважды, да и то ночью. А потом пришлось бежать отсюда сначала в Турцию, а потом уже и из Турции...⁸Особенно неприятным был побег отсюда, потому что пришлось не просто бежать, а унести с собой шрам на голове – чуть выше лба... Но шрам этот, хотя и памятный, не вызывает злобы и ожесточения и не вписывается в законы адата⁹. Злоба и ожесточение недостойны мужчины. Талгат хорошо понял тогда, что Сохно мог бы просто добить его. Одним взмахом руки. Но не добил, когда узнал... Именно тогда, когда узнал... И почти умышленно дал сбежать, как хорошо понял и почувствовал Талгат... Не поднялась рука

⁸ Действие романа «Прирожденный воин».

⁹ Адат – традиционный горский кодекс чести, предписывающий отношение внутри тейпов и между тейпами, почитание и послушание младшими старших, кровную месть и прочее. Во многом адат сильнее законов шариата. Так, ту же самую кровную месть шариат запрещает, но она прочно считается обязательной.

майора на бывшего товарища, превратившегося в противника... И уже сам Талгат, разговаривая с собой, пришел к выводу, что и он не смог бы добить Сохно, окажись победителем в той скоротечной, но серьезной и красивой схватке настоящих мужчин. Но он долго после этого, вернувшись туда, где теперь его дом, тренировался, готовил себя к новой встрече, надеясь, что встреча эта когда-нибудь произойдет.

И вот теперь он снова приехал. Уже во второй раз с тем же делом... Вернее, только во второй раз приехал с делом за такой громадный период... Но на сей раз – вовремя... Очень даже вовремя... И слышит, как звенит роса. Точно так же слышит, как слышал мысленно, находясь далеко отсюда, в Великобритании. Нельзя сказать, что звон росы стер из памяти момент встречи с Сохно. Если встреча произойдет, Талгат от нее не откажется. Хотя умышленно искать ее пока не собирается. У него другие планы. Он должен сначала их выполнить. Личное всегда следует оставлять напоследок, иначе ты из воина превратишься в обычного абрека... И он со своими планами справится, не подвело бы здоровье, которое снова стало беспокоить...

* * *

Талгат сидит, смотрит перед собой, слушает...

Два его спутника совершают утренний намаз. Он предоставляет им эту возможность всегда. Саудовские арабы за атрибуты веры держатся прочно. Сам Талгат в этом отношении проще, но и одновременно сложнее. Верит... Как можно не верить, когда Аллах некогда внял его молитвам и именно благодаря молитвам проявил к нему милость, спас не от смерти, но от самого страшного, что может с воином случиться, – от беспомощного безумия¹⁰. Но всю свою веру Талгат держит внутри себя, никому не показывая себя внутреннего. И без проблем заменяет подчиненных наемников на посту, когда им необходимо совершить намаз. Он считает, что не обряды определяют сущность веры, а душевное состояние, личное отношение. Война позволяет отступить от канонов. На войне это даже не оспаривается, хотя ученые имамы в исламском университете в Эр-Рияде, где Талгат учился благодаря помощи правоверных друзей, до сих пор пребывают в спорах по этому вопросу...

* * *

Тропа, за которой он наблюдает, идет среди камней, хорошо просматриваемая сверху, из кустов пахучей свежей жимолости, и выходит на дорогу. Талгат ждет. Скоро по этой дороге должен пройти старый Алимхан – человек, встречи с которым он так ищет. С сомнением и неуверенностью, но все же ищет. С Алимханом необходимо поговорить, чтобы успокоить себя и, возможно, приходиться после разговора в родное село без стыда. Без страха Талгат может прийти уже сейчас – над страхом он всегда, сколько себя помнит, смеется... Но он хочет прийти без стыда. Это тоже дано не каждому. Чаще встречаются люди противоположных понятий. Одни не могут подавить в себе стыд – таких меньшинство; вторые не знают, что такое стыд, – таких намного больше. Сам Талгат занимает промежуточную позицию. Он сам не знает, что ему нужно, не очень понимает, что может получить от этого разговора, но к разговору стремится, потому что надеется на прояснение в голове, в мыслях, в чувствах.

Впрочем, он знает, что ему нужно. Это касается непосредственного пребывания Талгата в Чечне, его миссии. Но для самого Талгата не это главное в отношениях с уважаемым старейшиной. Он не из тех, кто живет по принципу «цель оправдывает средства». И всегда разборчив в выборе средств. Это потому, что он имеет стыд и совесть. И не может проявить насилие в

¹⁰ Действие романа «Прирожденный воин».

отношении человека, которого так уважает, не может заставлять его против воли делать то, что хочет от него Талгат.

Судя по донесениям разведчиков, уже месяц тому назад взявшим эту дорогу под контроль, но себя не показывающим, ждать осталось недолго. И хорошо, что среди разведчиков оказался односельчанин. Он узнал, кто по этой дороге ходит. Талгат смотрит на часы. Минут через пять-десять старый Алимхан появится. Он каждое воскресенье ходит этой дорогой в соседнее село к своему еще более старому другу, который сам уже из-за возраста и состояния здоровья ходить не в состоянии. А Алимхан ходит. Ему уже далеко за девяносто, а здоровье еще не оставило это иссушенное годами, некогда сильное тело.

Талгат чуть прищуривает глаза и представляет себе, как идет, опираясь на палку, старейшина. Он хорошо помнит эту походку. Наверное, сейчас она изменилась. Много лет прошло. Тем не менее Талгат представляет себе Алимхана по-прежнему прямым, гордо несущим голову. Посадка плеч измениться не может, потому что несет их не человеческое брненное тело, а гордый дух воина. Старый Алимхан герой двух войн – дошел до Берлина в сорок пятом, участвовал на Красной площади в Параде Победы, а потом был отправлен в Китай добивать Квантунскую армию. Кавалер трех орденов Славы разных степеней – раньше это приравнивалось к званию Героя Советского Союза, если не считалось более высоким, потому что таких кавалеров были единицы...

Именно под влиянием рассказов старейшины Талгат когда-то решил стать военным...

* * *

– Сейчас должен подойти... Он всегда ходит в это время...

Наемники-саудовцы, завершив намаз, вернулись уже к командиру и присели за его спиной. Они не разговаривают по-чеченски, хотя воюют здесь уже третий год. Но Талгат хорошо владеет арабским, как, впрочем, и многими другими языками, и понимает своих воинов без проблем, как и они его.

– Я буду разговаривать с ним один. Вы подождите здесь. Может быть, мы проговорим долго... Вы подойдете ко мне только по знаку, если мне потребуется спутниковый телефон. Принесете и сразу уйдете назад...

Сопровождающие молча склоняют голову. Они готовы выполнить все, что он прикажет.

Талгат сразу поставил себя так, что не допускает в своем отряде чужого мнения. Чужое мнение он выслушивает только тогда, когда сам спрашивает. С арабскими наемниками в этом отношении проще. Они повинуются в любых ситуациях. На пару наемников-негров из Судана и Сомали, попавших в его отряд, всегда следует прикрикнуть, а порой и замахнуться. Тогда тоже слушаются. С земляками отношения иные. Талгат хорошо знает нравы своих соплеменников и их неукротимую тягу к власти над себе подобными. И если где-то соберутся два горца, один из них обязательно будет командовать, тот, кто утвердит за собой это право. Ичкерийцы всегда подчиняются только более сильному. И Талгату почти сразу по прибытии пришлось доказывать, что он в отряде самый сильный. Впрочем, это удалось без проблем. Подготовка позволяет ему это сделать. Другое дело, что редко случаются, но все же случаются у него приступы, во время которых он беспомощен. Во время приступов он не может надеяться на земляков. Но на этот случай рядом с ним наемники. И эти двое, и другие, которые проинструктированы. Они прикроют и не подпустят того, кто пожелает воспользоваться моментом...

Он смотрит на тропу и краем глаза замечает, как один из наемников срывает с куста жимолости несколько ягод.

– Не трогай ягоды... Они ядовиты...

– Ядовиты? – спрашивает Фатых чуть удивленно.

– Это жимолость... Но среди жимолости есть ядовитые кусты... Русские зовут эту ягоду волчьей... Ею можно отравиться...

Фатых испуганно бросает ягоды на камни. Талгат не учит словами. Он хорошо знает волчий принцип «делай, как я» и демонстрирует это наглядно. Подбирает ягоды с камня и прячет их под куст, под листок, чтобы не бросались они в глаза красным пятном на черном камне. И знает, что в следующий раз саудовец ягоды просто так не бросит и не даст возможности опытному взгляду определить место наблюдения за тропой и дорогой. Иначе вскоре здесь можно будет нарваться на засаду.

– Только так...

Укоризненный взгляд командира и встречный виноватый взгляд наемника говорят о том, что урок получен. К сожалению, подобные уроки приходится давать почти каждому. Даже самые опытные часто имеют только желание воевать, но не имеют школы. Желание воевать может быть свойством характера, что случается редко, может обуславливаться стремлением заработать, что встречается наиболее часто, или определяться делом, с которым воин связал свою жизнь. Последнее самое лучшее, но и оно не дает гарантии воинского умения. Школа спецназа ГРУ, которую прошел в свое время сам Талгат, ставит его выше почти всех командиров в здешних горах. Даже тех, что считаются самыми большими. Но он этим большим подчиняться не желает. Он сам по себе действует. И только прислушивается к советам и рекомендациям друга, который когда-то помог ему, когда родная страна отказалась от бывшего своего элитного офицера, списав его в психические больные... К мнению друга *издалека*...

3

Полковник Мочиллов получает из секретариата «развернутый» приказ почти сразу же после ухода генерала Легкоступова. По внутреннему телефону звонит адъютант начальника управления и просит зайти в приемную. И все это недовольным тоном, словно происходящее, заставившее адъютанта побегать и в спешном порядке оформить бумаги, является инициативой полковника. Полковник идет и получает под роспись тонкую папку с документами и инструкциями, причем в инструкциях несколько строчек написаны рукой начальника управления, а целая страница незнакомым почерком. Юрий Петрович предполагает, что это почерк самого генерала Легкоступова.

Так оперативно сделано, что ситуация вызывает удивление. Должно быть, генерал ФСБ показался начальнику ГРУ очень убедительным. Или же, помимо Геннадия Рудольфовича, еще кто-то рангом повыше проявил беспокойство и позвонил начальнику управления. С чего бы это? На каком уровне контроля находится дело? Не зная этого, трудно делать адекватные выводы. В любом случае, поскольку устных указаний начальник управления не дает, следует придерживаться только существа вопроса, не вдаваясь в собственное отношение к нему.

– Что-то еще будет? – интересуется Юрий Петрович у адъютанта.

– Мне других указаний не дано... – Адъютант привычно сдержан и заносчив, как все адъютанты, считая свое кресло верхом карьеры. Так в принципе и бывает. Мочиллов еще не встречал адъютанта на оперативной работе. И вообще понятия не имеет, куда они потом исчезают, когда подходит срок получения очередного звания.

Хорошо, что Легкоступов вовремя ретировался. Это дает возможность подумать над документами неспешно и действовать по своей воле и своему разумению, а не по подсказке извне. Мочиллов возвращается в кабинет, просматривает полученные бумаги и вздыхает. Своей работы столько, что жалеешь каждую потерянную напрасно минуту, а тут еще новую подваливают. Причем категорично срочную. Полковник открывает в компьютере внутреннюю базу данных и набирает запрос по теме. Компьютер выдает отказ в предоставлении информации, даже не запрашивая пароль. Не запрашивает пароль... Мочиллов понимает – это значит только

одно: необходимые данные спецархива хранятся под грифом «Особой важности» и не подлежат внесению в компьютерную базу данных. Все спецслужбы мира, в том числе и само ГРУ, имеют достаточно квалифицированных хакеров, способных добраться до самых сокровенных секретов, хранимых в памяти серверов. Поэтому наиболее охраняемые государственные тайны в компьютерную память не вводятся, а если и вводятся, то исключительно в компьютеры, которые категорически запрещается подключать к сети.

Следует новый звучный вздох, и Мочиллов находит в служебном телефонном справочнике нужную строчку, звонит в спецархив дежурному «секретчику». Просит подготовить для него пропуск. Он ожидает встречных вопросов, но встречных вопросов не следует. Значит, выписка из приказа начальника управления в спецархив уже доставлена. Это еще раз говорит об оперативности. Потому Юрий Петрович лично отправляется в подвал, по пути заглянув в тамбур шифровального отдела, где предупреждает дежурного шифровальщика о своем местонахождении. Полковник ждет сообщения из Чечни, где он координирует действия сразу нескольких ОМОГ¹¹. Предупреждение не лишнее, потому что могут понадобиться его дополнительные указания, а Мочиллов подозревает, что может застрять в спецархиве надолго.

Так и оказывается. «Секретчик» качает головой – далеко и высоко ему пришлось забраться на стеллажи – выдает три толстые, покрытые древней пылью папки с документами, чистую, но опечатанную рабочую тетрадь для производства выписок и ключ от рабочей кабины. Выносить документы за пределы спецархива категорически запрещается. Исключение составляет рабочая тетрадь, которую после окончания работы необходимо будет сдать в ту же «секретку» для уничтожения или для приобщения к архиву – чтобы знать, кто интересовался данной тематикой и какие факты выбрал в качестве оперативных вариантов.

Рабочая кабина маленькая – полтора на полтора метра пространства, стол у стены и стул перед ним. Но это как раз то, что требуется, чтобы не отвлекаться на что-то постороннее. Полковник вскрывает папки, опечатанные личной печатью последнего лица, допущенного к работе с документами, и для начала просто просматривает. Одну за другой, выбирая то, что может понадобиться ему для дела. Под рукой не оказывается закладок, а вырывать страницы из опечатанной тетради нельзя. И Юрий Петрович просто запоминает номера заинтересовавших его страниц. Память у него профессиональная, и он не боится сбиться. Так углубляется в работу...

* * *

Через три часа короткий стук в дверь отрывает мысли Мочилова от дел давно минувших дней.

– Товарищ полковник, – голос старшего прапорщика-«секретчика» слегка скрипит, словно изобилует множественными трещинами, – вас к телефону из шифровального отдела.

– Иду...

Юрий Петрович оставляет папки на столе, на глазах у старшего прапорщика закрывает дверь кабины на ключ, а ключ кладет в карман. До кабинета «секретчиков» десять шагов по коридору, короткий поворот и два шага за него.

– Проследите за кабиной... – не приказывает, а просит Мочиллов прапорщика, оставляя того в коридоре.

В кабинете телефонная трубка лежит на разделительном барьере, отделяющем рабочее помещение от отделения для посетителей. Полковник сразу берет ее.

– Слушаю, Мочиллов...

– Юрий Петрович, пришло для вас донесение от группы Согрина, – докладывает капитан, дежурный смены шифровального отдела. – Вы это спрашивали?

¹¹ ОМОГ – отдельная мобильная офицерская группа.

– Да, и это тоже... Я буду у себя через тридцать минут. Принесите... А через час пришлите кого-нибудь за ответом... Будет «срочная» ответная шифротелеграмма...

– «Срочная»?

Мочиллов знает, что шифровальщики не балуют любовью шифротелеграммы с грифом «срочно».

– Да. Циркулярная¹². Для групп Согрина и Разина... Предупредите связистов...

Он кладет трубку и торопливо возвращается в кабинет, кивнув по дороге прапорщику, то ли поблагодарив таким образом, то ли объявляя тому, что он свободен.

За полчаса Мочиллов успевает переписать в рабочую тетрадь множество данных. Но понимает, что все равно не успеет полностью изучить все материалы. И со вздохом закрывает папки, опечатывает их теперь уже своей рабочей печатью и возвращает в спецархив.

– Далеко не убирайте. Завтра снова понадобятся... Хотя возможно, что и сегодня попозже... Ближе к вечеру... Если смогу время выбрать...

* * *

Сержант-шифровальщик в ожидании полковника сидит в комнатке у дежурного по управлению, что-то забавное рассказывает дежурному. Оба улыбаются и встают при появлении полковника. По знаку Юрия Петровича шифровальщик проходит за ним до конца коридора и молча дожидается, когда полковник откроет дверь. Тот торопится, но ключ, как назло, не желает в замке проворачиваться. Наконец Мочиллов с механизмом справляется, расписывается в получении и сразу смотрит текст.

– Ответ, товарищ полковник, сразу будет? – спрашивает сержант.

– Зайди через полчаса... Я же сказал...

Мочиллов на шифровальщика не смотрит, разворачивает на столе карту и обводит на ней какие-то участки, сверяясь с текстом шифротелеграммы, и, кажется, даже не видит, как за сержантом закрывается дверь. Он работает, почти не задумываясь: переносит на карту еще какие-то отметки, сверившись с рабочей тетрадью, принесенной из спецархива. Потом вытаскивает из сейфа блокнот с бланками и сразу начинает писать ответное послание, называя в нем пункты, которые следует блокировать силами двух ОМОГ. Но, не закончив работу, берется за трубку телефона и набирает номер генерала Легкоступова.

– Геннадий Рудольфович, это Мочиллов. У вас есть какие-то данные о местонахождении Абдукадырова в настоящее время?

Сначала трубка доносит только вдумчивое коровье мычание, потом пререзается и тихий генеральский голос:

– Единственно, нам известно, что он пришел через границу с Грузией с отрядом в тридцать человек. Около месяца отряд стоял в Грузии, без всякого беспокойства со стороны грузинских силовых структур: кого-то, похоже, ждали – может быть, даже самого Абдукадырова, который постоянно проживает в Великобритании, а потом двинулись в Россию. Это агентурные сведения из-за границы... Я даже не могу вам сказать откуда, потому что сам этого не знаю. Предполагаю только, что из каких-то источников, близких к «Аль-Каиде». – Странное положение... Талгат отстреливался от группы интерполовцев, положил кучу народа и после этого открыто проживает в Великобритании?

– Он сумел доказать свое алиби. И слуги, и доктор-англичанин, проживающий по соседству, утверждают, что Абдукадыров был болен и не покидал пределов своего дома. В то же время ему звонили из Норвегии жена и дети. Телефонная станция зарегистрировала факт звонка и длительность разговора. В отсутствие хозяина дома вести такой продолжительный

¹² Циркулярная шифротелеграмма – шифротелеграмма, рассылаемая по нескольким адресам.

разговор женщине просто не с кем. Более того, присутствие Талгата в Англии подтверждает и английский полицейский, заезжавший в дом по каким-то делам. Но нам с вами не надо обольщаться: хорошо известно, как такое алиби создается... Но у вас, я чувствую, появились новости по теме?

– У меня есть донесение мобильной группы полковника Согрина. Согрин имеет данные о большом НВФ, базирующемся в горах. Никаких активных действий банда не предпринимает, рейдов не совершает, разведку не ведет, за исключением обычного осмотра прилегающих территорий, из чего можно сделать вывод, что это учебное подразделение боевиков. Согрин докладывает, что ведет активный поиск банды и уже обнаружил три их стационарных поста.

– У боевиков много учебных подразделений...

– Уже не так много, как было раньше... Но интересно то, что эта база находится недалеко от родного села Талгата Абдукадырова. В пределах трехчасового перехода... Кстати, те места славятся своими пещерами, и Абдукадыров хорошо эти пещеры знает. Если он пришел в Чечню, то наверняка предпочел выбрать для базы место, с которым хорошо знаком. В прошлый приезд он сумел уйти от Сохно как раз потому, что хорошо ориентируется в пещерах.

– Я буду только рад, если мы так легко определим местонахождение вашего Талгата... – сухо отвечает Геннадий Рудольфович. Впрочем, он всегда говорит сухо, пряча от других все проявления эмоций, и Мочиллов знает эту черту характера генерала.

– Кстати, майор Сохно входит в группу полковника Согрина. Если они нашли действительно базу Абдукадырова, то встреча старых друзей обещает быть теплой...

– Главное, чтобы она не стала повторением прошлой встречи...

При всей своей бесстрастности, Геннадий Рудольфович не сумел подавить вздох. Если бы Сохно в прошлый раз не упустил Абдукадырова, сейчас не было бы проблемы...

Мочиллов кладет трубку и делает приписку к уже почти подготовленной шифротелеграмме. Суть приписки – предупреждение Сохно о возможном присутствии Талгата Абдукадырова в отряде, базу которого разведчики нащупали...

ГЛАВА 3

1

Ворота распахиваются – скрипят давно не смазываемые петли. Истерично скрипят... Словно предвещают что-то... Примета? Приметы читать тоже необходимо, хотя глупая официальная наука всегда против этого. Она всегда против того, что не понимает, а не понимает она всю нижнюю часть айсберга... Но чтобы научиться узнавать ближайшее будущее по приметам, следует иметь интеллект более высокий, чем дает звание кандидата или даже доктора каких-то наук. Видел Алданов в своей жизни людей, у которых интуиция значительно превосходила все возможности логического объяснения. А нынешних противников Виктора Егоровича бог ни интуицией, ни даже интеллектом не наградил. У этих дураков, похоже, даже завалящего научного звания нет в запасе...

Сейчас Алданова волнует один второстепенный вопрос: сколько еще людей в доме? Если беседовать с ним будут эти четверо – понять суть такого похищения трудно. Парни не выглядят слишком умными и, пожалуй, не смогут ничего толком объяснить. А у него может кончиться терпение. Он уже начал *«включаться»*... И остановился на последней ступени... Не рискнул *«включиться»* полностью, потому что еще рано... *Потому что тогда дальнейшее будет вне его контроля...* Однако и частичное *«включение»*, как он хорошо знает, не может быть долгосрочным, не говоря уже о *«включении»* полном. И ему придется действовать раньше, чем он сможет получить ответы на свои вопросы. Если дело повернется более удачно и допрашивать его будет кто-то другой, кто дожидается здесь, то сам собой встает новый вопрос – сколько людей в доме и можно ли будет справиться со всеми? То есть какова их физическая подготовка?

Двор не слишком большой. И микроавтобус не может здесь даже развернуться. Значит, выезжать отсюда придется задом. При выезде видимость плохая – дорога прикрыта кустами... Виктор Егорович просчитывает варианты, при которых он будет выезжать отсюда на этом же микроавтобусе, и ни минуты не сомневается, что все произойдет именно так, только если он этого захочет. И пусть будет в доме еще столько же людей... Это его не остановит... Он знает, что сумеет справиться, только тогда уже необходимо будет *«включиться»* полностью, на всю мощь... Он это умеет... *И еще два человека, кроме него, умеют... Только два человека...*

* * *

Дверца по-прежнему распахнута.

– Выходи, старый пень... И труху свою не рассыпь...

– Осторожнее с ним... – снова предупреждает командир. – В его возрасте с сердцем шутки хреновы... Крякнет тут, и все... С тебя тогда спрошу...

При необходимости Виктор Егорович может инсценировать клиническую смерть с остановкой сердца. Он однажды вынужденно проделывал такой фокус, чтобы спастись от неминуемой, казалось, смерти, и потом уже бежал из морга, прямо со стола перепуганного патологоанатома, приготовившегося вскрыть ему брюшную полость. Тоже *«включался»*, но по другой системе... Тогда его стопроцентно приняли за мертвого... Но сейчас повторять это не хочется хотя бы потому, что он очень разозлился на парней... Вообще-то разозлить Алданова сложно. Но сейчас он чувствует к себе элементарное неуважение и именно этим разозлен, а такое состояние дорого обойдется похитителям...

Впрочем, не торопиться... Не торопиться... Сначала следует узнать, чего они хотят...

И он выходит...

Он по-прежнему держится за сердце правой рукой. Так удобнее при необходимости нанести простейший удар ребром ладони в горло первому же подвернувшемуся под руку. Короткий и резкий, классический удар. Из такого положения никто не может ожидать смертельно агрессивной атаки. И никто, когда не ожидает, не в состоянии среагировать, чтобы защититься...

Парень с примеченной обувью кулаками больше не размахивает, берет Алданова под руку и тащит в дом. Клещ впился, а не человек... Хищная, кровожадная хватка. Удовольствие испытывает от того, что толстые грубые пальцы впиваются в расслабленные стариковские мышцы. Ох, как дорого дается это умышленное расслабление... И платить за него придется по полной цене...

Дом обыкновенный, ничем не примечательный, с печным отоплением. За Алдановым заходят все остальные – хорошо, что никто во дворе не остался и не надо ни за кем бегать. Рассаживаются и ему пододвигают стул. Естественно, как и полагается при допросе, стул ставят перед столом. Но очень близко. При настоящем допросе так не делается. Это хорошо, потому что непрофессионально. Можно достать рукой дальнего, даже не приподнимаясь. Командир и оказывается этим дальним. Садится напротив.

– Паспорт давай...

– Чего вы хотите-то? – почти истерично спрашивает Виктор Егорович, но чувствует сам, что в голосе усмешка проскользнула. Совсем маленькая, короткой ноткой прозвучавшая усмешка. Не смог с собой справиться, и это плохо. Значит, в самом деле стареет. И командир усмешку улавливает. И смотрит внимательно и настороженно в глаза. Но настороженность сразу проходит. Думает, что показалось, потому что в глазах нарисован настоящий испуг. Уж с глазами-то Виктор Егорович справиться может. С голосом без длительной тренировки совладать труднее. И то ведь – не актер...

– Квартирку твою купить желаем... – сзади говорит один из парней, собой довольный, голос солидный. – Цену ты, дед, предлагаешь подходящую... Нас устраивает... Конечно, поторгуемся еще, не без того... А тебя в деревеньке поселим. Будешь огород копать, потреблять экологически чистые продукты и нас благодарить за заботу о твоём здоровье...

И этот в душе садист... Только садист говорит таким голосом, когда испытывает удовольствие от предстоящего непонимания и страдания жертвы. Они – жертвы! – видят в нем только жертву. Он – айсберг, скрывающий свою силу под водой, или оголенный электрический провод, если так кому-то нравится, или даже электрический айсберг! – видит в них тоже жертв, но не своих, для него они не жертвы... Они жертвы времени и всеобщего беззакония. И еще жертвы собственной алчности. Алчным быть вредно для здоровья, это психологией доказано... И сам Виктор Егорович готов подтвердить этот психологический закон физической составляющей.

Алданов наконец-то понимает ситуацию полностью. Он-то с высоты своего прошлого высокого профессионализма думал, что в какое-то серьезное дело влип, в дело, тянущееся издалека, с былых армейских времен, а, оказывается, попал в лапы к простым тупым бандитам, промышляющим стариковским жильем...

– А... Квартирку... – В голосе его даже радость звучит. Просчитанная радость...

И эта радость заставляет командира поднять голову, чтобы горло точно под удар подставить – как Алданов и предполагал. Удар следует тут же, напряженными пальцами правой руки, до этого прижатой к левому боку. Кисть движется с коротким доворотом, как сверло... Алданов не ждет падения грузного тела и даже не рассматривает кровь, оставшуюся на пальцах. Он и так знает, что через пару секунд это тело безжизненно распластается на полу – не живут люди с разорванной сонной артерией. Сам он тут же бьет одновременно двумя руками за спину и стремительно встает со стула, чтобы шагнуть в сторону, потому что сейчас в то место, где только что был его затылок, должен пролететь чей-то кулак.

Все так и получается. Но Алданов уже в стороне, он уже дает себе команду ключевым словом и «включается» на полный завод. А это значит, что в течение небольшого промежутка

времени он не будет владеть собой. Он теряет контроль над своими поступками, находясь в невменяемом состоянии. И в этот промежуток он только бьет. Коротко и резко, как не может бить «не включенный» человек. Как не может бить самый высококлассный спортсмен...

Во всех видах единоборств удары состоят из серий и каскадов. «Раз-два», или «раз-два-три», или еще как угодно... Первые удары готовят почву – снимают защиту, вызывают болевой шок или еще что-то подобное. Завершающий удар бывает акцентированным. И только во «включенном» состоянии поражающий удар наносится на счет «раз»...

Раз – и нет человека...

* * *

Он приходит в себя, наверное, через несколько минут после того, как все уже закончилось. А закончилось все за несколько секунд. Видит свои напряженные, еще готовые к новым ударам окровавленные руки, видит четыре тела на полу и чувствует себя счастливым, что никто не вошел в дом в этот момент. Никто невиновный, потому что «включенный» не различает чужой вины... Он может только бить и убивать... Убивать с одного-единственного удара...

Вздохнув, Виктор Егорович осматривается, вспоминая, не оставил ли он где-то отпечатков. Нет. Ни за что руками не брался. Значит, пора уходить.

Он выходит из дома. Во дворе он видел кран и бетонный желоб под ним – для поливки огорода, что ли, был когда-то приспособлен, когда за этим домом еще огород сажали... Вода из крана и сейчас пробивается тоненькой струйкой, как пробивалась при их прибытии. Не касаясь самого крана, Алданов тщательно моет руки и вытирает их о собственные заношенные чуть не до дыр брюки. Сначала думает поехать на машине и даже подходит к ней, но потом решает не искушать судьбу встречей с новой жертвой в образе случайного инспектора ГИБДД, с помощью носового платка протирает все места в машине, где он мог коснуться чего-то рукой, потом, не выпуская тот же платок из рук, открывает защелку на калитке и выходит.

На улице жарко, пыльно. Виктор Егорович вытирает платком лоб. Испарина выступила. Но это не от жары, как он хорошо понимает. Это последствие «включения». Отвык от подобного напряжения нервной системы...

На дороге даже старый, разбитый асфальт все равно парит собственным битумным запахом. Неприятно. Алданов неуверенно, почти стесняясь, поднимает слабую старческую руку и останавливает проходящую машину.

– До Москвы подбросите?

Водитель-женщина смотрит с волевым прищуром профессиональной торговли.

– Сколько, дедуля, дашь?..

Тоже алчная, но у нее другая алчность. Хотя и это ей выйдет боком. Может быть, скоро, может быть, слегка погода...

Он начинает торговаться, чуть заискивая голосом... Жалуетса попутно на бедность пенсии и трудные времена. Грех на такую жизнь не пожаловаться...

2

Сереза Ангелов только несколько часов назад был в большом доме на Лубянке и не забыл еще дорогу до управления антитеррора, хотя в первый раз его наверняка уже в бюро пропусков встретили и проводили, но Басаргин идет по длинному коридору первым, словно путь показывает. Это получается невольно, потому что у Александра все еще осталась привычка чувствовать себя в этих коридорах своим. Все-таки немало лет здесь прослужил.

Они торопятся... Младший Ангел привез сведения, преподнося их как открытие, как неожиданную угрозу, только еще появившуюся на горизонте, а вдруг оказывается, что здесь, в

России, уже идет работа по тем же или по параллельным данным... И отказ помочь в добывании сведений, более того, откровенная угроза помешать в добывании этих данных сменились небольшой надеждой на сотрудничество. Это уже сдвиг в вопросе, который только что казался застрявшим на мертвой точке. Насколько плодотворным это сотрудничество может оказаться, говорить еще рано. Но теперь уже Сереже не надо доказывать правдивость своих сведений, теперь уже они воспринимаются реально, и даже это обещает большой сдвиг в деле поиска.

Дежурный в управлении приветливо кивает Басаргину и с интересом рассматривает младшего Ангела. Новые люди в этом кругу всегда рассматриваются с интересом, тем более что новые люди всегда приносят свежие вести. Должно быть, в первый приход Сережи дежурный был еще ночной, не успевший смениться. Так, только по взгляду, Басаргин определяет, что пирамидовец пришел к Астахову очень рано.

– Владимир Васильевич ждет вас.

Генерал оказывается в кабинете один, снимает очки, пожимает пришедшим руки и убирает в сейф документы, с которыми работал. Сам сейф закрывает и дергает за ручку, пробуя замок.

– Присаживаться со всеми удобствами не приглашаю, поскольку мы сейчас пойдем в гости к другому генералу, – сообщает он, видит вопросительный встречный взгляд Александра и добавляет: – К Легкоступову. Поскольку всякие эксперименты с психикой проходят по его отделу, а террористическая деятельность по нашему управлению, нам придется совместить усилия и действовать сообща. Кроме того, как мне сказали, в этом деле работает и главный виновник торжества – спецназ ГРУ. Конкретные эксперименты проводили они в своих лабораториях, и главный фигурант у нас – отставной спецназовец... Им, как говорится, и флаг в руки...

– Со специалистами в вопросе работать всегда легче, – соглашается Сережа.

Астахов не закрывает дверь на ключ, только кивком головы обращает на это внимание дежурного. Они идут теми же самыми коридорами в обратном направлении, потом несколько раз поворачивают, спускаются по одной лестнице и поднимаются по другой. И младшему Ангелу уже начинает казаться, что, несмотря на его прекрасную подготовку, полученную сначала в спецназе ГРУ, потом во французском иностранном легионе, он не сумел бы сейчас повторить пройденный путь и не заблудиться, так пришлось им попетлять, а коридоры и лестницы абсолютно одинаковы на всех этажах. Даже ковровые дорожки в этих коридорах одинаковые. Тем не менее он привычно, без умысла фиксирует каждую особую примету, которую удастся ухватить взглядом.

Кабинет генерала Легкоступова находится в противоположной части здания. Генерал Астахов коротко стучит в дверь.

– Да-да... Войдите... – слышится изнутри, и дверь сразу открывается сама. Навстречу гостям выходит лысоватый подполковник с папкой для докладов в руках, вежливо здоровается и уступает дорогу новым посетителям.

Легкоступов встречает без улыбки, поднимается навстречу и через стол протягивает руку.

– Генерал Легкоступов... – представляет его Астахов. – Геннадий Рудольфович. А это руководитель антитеррористического подсектора Интерпола Александр Игоревич Басаргин и командир оперативной группы быстрого реагирования специального подразделения ООН по борьбе с терроризмом «Пирамида» Сергей Алексеевич Ангелов.

– Ангел, сын Ангела, – то ли слегка кивает головой, то ли просто моргает и этим показывает свою понятливость генерал Легкоступов. – Мы хорошо знакомы с вашим отцом, Алексеем Викторовичем. Встретитесь – передайте ему от меня большой привет.

– Обязательно, – обещает Сережа тоже предельно сухо, из чего Легкоступов легко делает вывод – старший Ангел что-то рассказывал сыну об отношениях с генералом ФСБ.

– Прошу садиться... – Жест сухой генеральской руки не выражает ни приветливости, ни недовольства, точно так же как взгляд и даже все лицо. – Итак, я готов выслушать вас.

– По нашим агентурным данным, – в третий раз за день и потому теперь предельно сжато начинает рассказывать младший Ангел, – «Аль-Каида» приступила к реализации проекта «Электрический айсберг»...

– Откуда такое футуристическое название? – спрашивает Геннадий Рудольфович.

– Так первоначально, насколько нам известно, назывался проект, разрабатываемый в лабораториях спецназа ГРУ в семидесятые годы прошлого века.

– Это я знаю, – говорит генерал. – Но как название дошло до «Аль-Каиды»?

– А вот этого мы не знаем и можем только предполагать, что некоторое время назад, когда шла широкая распродажа России по кусочкам, кто-то что-то продал связанное с тем проектом. К нам информация пришла из окружения Абу Зубейда¹³.

– Даже так? – удивляется Легкоступов.

– Именно так...

– Вы хорошо работаете. Иметь такую завидную агентуру... Нашим спецслужбам с трудом удается постоять сбоку от собственных террористов, а ваши агенты, как я понимаю, проникли в самое логово к международным.

– Да, у нас есть некоторые успехи, но поделиться опытом не могу не только потому, что не имею права. За это отвечают другие люди, которые со мной опытом не делятся, а только передают сведения. У вас, я думаю, дело обстоит точно так же.

– У нас дело обстоит гораздо хуже, – ворчит генерал Астахов, высказывая упрек себе. – Но не будем отвлекаться на обсуждение общих тем. Вернемся к конкретной...

– Вернемся... – соглашается Сережа. – Согласно нашим агентурным данным в руки террористов попали документы о психологической или же психотропной подготовке ликвидаторов ГРУ, дающей им способность «включаться» в необходимый момент и обретать способность уничтожать рядом с собой все живое голыми руками. Своего рода запрограммированное зомбированное состояние при максимальной вспышке сильнейшей агрессии. Специалисты ГРУ при разработке проекта «Электрический айсберг» совместили психологические методы с медикаментозными и вводили в кровь людям, с которыми работали, препарат тестостерон¹⁴. Тестостерон, помимо обычного и хорошо изученного воздействия, при введении большими дозами напрямую в кровь существенно повышает агрессивность человека. Вплоть до того, что эта агрессия становится неуправляемой. Насколько нам известно, а известно нам это только через третьи руки, то есть через агентуру в окружении Абу Зубейда, именно неуправляемость агрессивных реакций и вынудила советские лаборатории прекратить активные разработки проекта. Хотя несколько человек, как говорят, прошли полный курс разработки и применялись в секретных операциях ГРУ.

– Это мы знаем, – спокойно кивает Легкоступов. – Продолжайте, пожалуйста.

– У террористов есть часть документов, что фиксировались во время работы над проектом...

– Самих документов или копии?

– Этого я не знаю. Реальнее предположить, что копии. Сами документы изымать из мест хранения просто рискованно. Обычно такие дела имеют ограниченный круг лиц, имеющих право на ознакомление. И даже при том беспорядке, что был устроен в армии, я думаю, что

¹³ Абу Зубейда (Зин Абидин Мухаммад Хасан) – один из заместителей Усамы бен Ладена, отвечает в «Аль-Каиде» за связи с международными организациями исламистов.

¹⁴ Тестостерон – гормон, вырабатываемый мужскими половыми органами, отвечает за вторичные половые признаки. Добывается из яичников крупного рогатого скота и синтетически. Имеет широкое применение в медицине для лечения различных заболеваний. В последнее время широко применяется в препаратах для лечения от облысения.

они выдавались под роспись, с проставлением даты и времени выдачи. И есть возможность установить похитителя. Если документы на месте, похитителя определить гораздо труднее.

– Вы даете большую работу особому отделу при ГРУ... – усмехается генерал Астахов. – И еще вопрос, захочет ли само ГРУ поднимать скандал?... Просто откажутся, и все... Не было таких документов, и нет их...

– Не откажутся. Они уже работают с ними... – уточняет Геннадий Рудольфович. – Правда, пока в другом направлении. Думаю, что и в поиске похитителя они проявят такую же заинтересованность.

– Могу только порадоваться... – благодушно кивает Астахов.

– Я продолжаю, – говорит Сережа. – Для конкретной работы над проектом «Электрический айсберг» Абу Зубейда выбрал человека известного, хотя и не однозначного в своем поведении. Это бывший офицер спецназа ГРУ Талгат Хамидович Абдукадыров, комиссованный из армии вследствие психологической травмы, полученной во время участия в боевых действиях в Афганистане. Не исключено, что именно Абдукадыров имел какое-то непосредственное участие к первоначальной разработке проекта, которая велась в то время, когда он служил в ГРУ. Это следует проверить. Хотя и маловероятно, что именно он сам каким-то образом сумел добыть из спецархива саму документацию или копию ее. Скорее всего, как показывает анализ, документация пришла в «Аль-Каиду» откуда-то с Запада. То есть она была вывезена из России достаточно давно и ждала своего покупателя. Но документация, как нам известно, весьма не полная. Хотя дает возможность вести целенаправленный поиск недостающих данных или, по второму варианту, провести собственные эксперименты. Некоторое время, как нам думается, решались организационные вопросы. Потом второй вариант был, вероятно, отброшен по причине недостатка времени. Эксперименты могут занять годы, а нет никакой гарантии в успехе. Вот тогда террористы решили привлечь к работе Абдукадырова. Хотя возможно, что его кандидатура определилась каким-то иным образом. Я опять имею в виду причастность Абдукадырова к первоначальной разработке проекта или хотя бы касательство к этому делу. По крайней мере, нам известно, что в руководстве «Аль-Каиды» даже не обсуждались другие кандидатуры, хотя такие обсуждения и тщательный подбор командиров – это стиль работы «Аль-Каиды». Как правило, они никому не поручают ответственную работу, не проверив человека со всех сторон, и обычно используют конкурсные условия. Вот, коротко, основное, что я вам хотел сообщить. А приехал я с группой и сразу обратился к генералу Астахову с просьбой помочь нам добыть недостающую документацию и с ее помощью заманить Абдукадырова в ловушку... Пока это видится нам наиболее реальным способом предотвращения печальных последствий, к которым может привести успех террористов.

– Кроме некоторых деталей, суть дела нам хорошо известна... – Непонятно, доволен Легкоступов сообщением или он возмущен им. Генерал привычно не показывает своих эмоций. – Я, грешным делом, надеялся, что вы хоть как-то намекнете нам о местонахождении Талгата Абдукадырова. Хотя бы в какой стране он сейчас находится? Он был недавно в России. Это мы знаем. Потом выезжал в Катар. Возвращался в Великобританию, но оттуда вскоре пропал без следа. Потом, по непроверенным данным, его видели в Турции. Но другие данные говорят, что его в это же время видели в Чечне...

– У нас есть данные о том, что в распоряжение Абдукадырова приказано выделить сильный отряд боевиков. Это не отряд участников эксперимента – это отряд обеспечения безопасности. Где этот отряд находится, нам узнать не удалось. Мы даже обсуждали этот вопрос не очень узко – предполагали место действия не традиционно в Чечне, а даже в Ираке. Но при подробном рассмотрении деталей отказались от такого варианта. В Ираке невозможно найти недостающие документы. Следовательно, искать Абдукадырова следует в России. Скорее всего в Чечне, хотя это и вовсе необязательно. В Чечне может быть его отряд. А где он сам – это загадка... Я даже не исключаю, что он сейчас в Москве...

– Хорошо, что вы пришли ко мне. – Геннадий Рудольфович кладет руки ладонями вниз на столешницу. – И хорошо, что теперь мы будем действовать совместно с управлением анти-террора, поскольку своих сил для обширного поиска мы в своем небольшом отделе не имеем. Буду рад услышать от вас новые данные, если они появятся. В свою очередь, обещаю тоже делиться информацией. Для начала могу вам сообщить, что в поиск активно включился спецназ ГРУ. Если есть отряд Абдукадырова, то без спецназа ГРУ нам его не отыскать.

– Пусть ищут... – соглашается Сережа.

– Что-то похожее они уже нашли сегодня. Проверяют...

– Каким образом?

– Пока ведут только разведку. Если поиски дадут положительный результат, проведут быструю войсковую операцию.

– Это обнадеживает, – кивает Сережа. – Я сам служил в спецназе ГРУ и знаю их возможности...

Басаргин во время разговора чувствует себя статистом и не совсем понимает, зачем он здесь присутствует. Астахов словно чувствует это.

– К вам, Александр Игоревич, у меня отдельная просьба, – поворачивается в кресле генерал. – Мы до сих пор не имеем такой системы спутникового контроля за телефонными разговорами, как у вас. Если вы не возражаете, Геннадий Рудольфович вместе с полковником Мочиловым из спецназа ГРУ подготовят для вас целый список телефонов, которые необходимо проконтролировать. Отношение с этой просьбой, подписанное директором ФСБ, мы сегодня передали через НЦБ в Лион.

– С этим проблем, я думаю, возникнуть не может. – Басаргин наконец-то понимает и свою роль.

– И еще... – значительно говорит Владимир Васильевич. – Сергея Алексеевича я прошу не обижаться, но его допуск, так же как и членов его группы, к материалам дела будет весьма ограничен. Наша страна не намерена делать такие широкие жесты, какие позволялись во времена правления Ельцина... Сейчас мы и к себе относимся иначе, и это следует всем запомнить... Вообще вам придется работать по принципу: недостаток информации уже является информацией...

3

Сначала в наушнике «подснежника»¹⁵ раздается характерный треск, потом доносится приглушенный голос Кордебалета – майора Афанасьева:

– Я «Танцор». «Рапсодия», как слышишь? Слышишь, командир?

– Я «Рапсодия». Слышу, кажется, почти нормальное горное эхо. Но и слова иногда разбираю. Говори тише. Что у тебя? – в ответ спрашивает полковник Согрин. И его голос звучит словно бы издалека, сильно приглушен, а в наушниках двух других членов группы тоже прогуливается легкое эхо.

– Есть объекты... Трое сидят над дорогой... Устроились в кустах жимолости. Третий сектор. Два сантиметра от правого нижнего угла на четырнадцать часов¹⁶. Посмотри...

– Сейчас, подожди, карту переверну... Куда я фонарик сунул... Ох, запихали меня в эту дыру... Не развернуться... Есть... Два сантиметра... Понял... В карты режутся?

– Такое впечатление, что кого-то ждут... Один, похоже, командир... Не знаю только, какого уровня... Может быть и командиром джамаата¹⁷, может и командиром всей банды...

¹⁵ «Подснежник» – коротковолновая миниатюрная радиостанция ограниченного радиуса действия, состоит из приемно-передающего устройства, мини-микрофона и наушника, который прячется прямо в ухо.

¹⁶ Часы используются вместо компаса, «двенадцать часов» – север.

¹⁷ Джамаат – в НВФ (незаконных вооруженных формированиях): боевая единица, отделение, численным составом от

– С чего взял?

– Он в черном. Двое других в камуфляжке... Эта пара, в камуфляже, совершала намаз – за кустами сидели, только лысые головы светились, потому я их сразу и не заметил, сейчас они присоединились к командиру. Показали мне его... Он тоже сначала совсем невидимкой был... Черный на черно-зеленом фоне... Как клочок голой земли среди кустов...

– Ну и что – в черном? Это ничего не говорит...

Согрин, не видя происходящего, сомневается, потому что не услышал твердого довода.

– Все, кого мы здесь видели, были только в камуфляжке. В черном – первый. И вообще... Манера общения... Жесты...

– Ты слишком далеко от них... Манера общения – это не разговор, который можно подслушать и сделать вывод.

– Все равно... Носом чую... – продолжает настаивать на своем Кордебалет.

– Ладно... Это более убедительно, чем предыдущее... Попробую тебе поверить... Продолжай наблюдение... «Бандит», что у тебя?

– Финская баня... – ворчит в эфир майор Сохно. – Сухо и жарко... Говори громче, мне из-за пара плохо слышно...

– Веничек принести? Или обойдешься?

– Бронежилет надоел... Он уже перегрелся, как «каменка» в бане... Я, как на грех, на самом солнцепеке устроился... Ни малейшего – мать его! – ветерка...

– Ха!.. Еще и не печет по-настоящему... То ли дело, дорогой мой, будет в середине дня... Тогда и камни станут, как сковорода... – Кордебалет смеется в тон командиру, подзадоривает товарища.

– Устроил, Толя, себе пляжную жизнь... Спускайся, – распоряжается полковник. – Присоединяйся к Шурику. Если есть возможность, берите эту троицу в обработку. Но очень осторожно, чтобы не наследить... Если там в самом деле командир, пусть даже небольшого уровня, никого трогать не надо. Это может разрушить ситуацию до прихода подкрепления. Решайте совместно. Дело на вашей совести... Я контролирую дорогу из села. Если кто-то появится, только оттуда...

– А если кто-то пожалует из соседнего? Здесь до соседнего села всего-то шесть камэ... А дорогу оттуда только с моего места просмотреть можно...

– Это тоже не страшно. Тогда вы проконтролируете. И обогнать сумеете... Я, как червяк, малоподвижен...

Отдельная мобильная группа полковника Согрина, состоящая из самого полковника и двух майоров, встретила на этом склоне хребтового отрога рассвет. Ночь была прохладной, как все ночи высоко в горах, но уже раннее утро принесло безоблачное небо и основательный солнцепек, один из самых сильных за последние дни. Камни склона начали усиленно прогреваться, и к двенадцати часам встала печальная изнуряющая жара.

Сам командир ОМОГ располагается недалеко от дороги – еще ночью, загодя, была вырыта минимально необходимых размеров нора. Забравшись в эту нору, полковник из тесноты и при неудобстве имеет возможность наблюдать дорогу из-под плоской каменной лепешки диаметром в добрых три метра; он совершенно неприметен для взгляда со стороны. Вести бой из такого убежища невозможно: повернуться сложно. Но наблюдать – вполне... Хотя, при необходимости, требуется меньше минуты, чтобы «задним ходом» выбраться из норы и оказаться около камня. Если присядешь, будешь неприметным с дороги, даже если будешь находиться рядом с ней. Единственно, что сразу определил простым взглядом Сохно, – камень, под который командир забрался, может экранировать радиосвязь. Проверили прежде, чем

занять пост наблюдения. Экранирует, но не полностью. Разобрать речь можно. Сोगрин остался на месте.

Майор Афанасьев – Кордебалет – занял позицию во второй норе, выше по склону и дальше от села, на самом повороте дороги, чтобы иметь возможность просматривать и следующий сектор. Он устроился чуть лучше. Там почва позволила выкопать нору попросторнее. С такой позиции «винторезу» Кордебалета удобно даже цель выбирать. А «винторез» тем и хорош, что при своей относительной беззвучности дает возможность успеть выбрать цель не один раз, прежде чем противник сообразит, что попал под обстрел снайпера.

Майор Сохно, главный специалист и, как он сам говорит, «наверняка чемпион мира» по копанию подобных укрытий, забрался выше всех, на каменный арбуз, чтобы контролировать всю ситуацию – ему видна и дорога, и прилегающие тропы до поворота самой дороги. В камне нору не выкопать, там ее можно только выдолбить отбойным молотком, но у Сохно не оказалось с собой компрессора. Впрочем, отбойного молотка тоже...

* * *

Группа вышла в этот район не случайно. Район беспокойный, но проработанный. С местным населением контакт более-менее, если можно так сказать, налажен. Более-менее – потому что налажен он исключительно на уровне тайных сношений. В открытую федералов поддерживать никто не хочет, хотя боевиков готовы поддержать открыто – горцы, от них другого и ожидать трудно. Но и среди горцев есть люди разные: двое незнакомых друг с другом осведомителей доложили о значительной по численному составу банде, скрывающейся в этом, в общем-то, не слишком удаленном от обжитых мест ущелье. Осведомители, как это бывает в подавляющем большинстве случаев, основывались на слухах и конкретики почти не выложили – ни точного места, ни имени командира банды, ни целей пребывания. Данные попытались проверить с помощью аэрокосмической съемки. Обычно такая съемка, если известен конкретный район и известно, какие следы следует искать, дает положительный результат. Но в этот раз карта не показала никаких откровенных следов базового лагеря. По настоянию штаба группировки через неделю была проведена контрольная съемка. Опять то же самое – никаких следов. Это уже конкретный отрицательный результат. Можно было бы и не обследовать район – осведомители могли ошибиться, или кто-то умышленно ввел их в заблуждение, но тут приходит донесение еще двух осведомителей из других сел, которые видели в ущелье посторонних людей, скорее всего боевиков, потому что ни частей Российской армии, ни милицейских постов поблизости не было. Держать в таких местах посты – обрекать бойцов на неминуемую гибель, это федералы хорошо знают.

Сама собой возникла мысль о глубоких пещерах – простая космическая съемка не в состоянии обнаружить лагерь, если он скрыт толщей горной породы. А специальная инфракрасная высокоточная съемка слишком дорога для нынешних времен и уже много лет практически не используется военно-космическими силами. Однако минувшей зимой спецназ ГРУ проводил операцию по ликвидации большой банды полевого командира Азиза, в районе базы которого находились разветвленные пещеры. Эти пещеры тщательнейшим образом обследовала и минировала ОМОГ полковника Согрина вместе с приданными бойцами десантного подразделения. После окончания операции известные выходы из пещер были взорваны и обрушены. В этот раз события начали разворачиваться несколько в стороне, но никакой гарантии отсутствия пещер и в этих местах нет. Поискать стоит, решили в штабе и передали дело на контроль спецназа ГРУ. Проверку начали ограниченными силами самой маленькой по численности ОМОГ. Одновременно с другой стороны, перекрыв три возможных тропы в Грузию, медленно начала сдвигаться к группе Согрина другая ОМОГ – подполковника Разина. Эти две

группы многократно работали вместе и считаются в штабе группировки чуть ли не единой боевой единицей – на них, на их сработанность и взаимопонимание всегда полагаются.

После недели обследования склонов группой Согрина были обнаружены дальние посты боевиков. Впрочем, насколько они дальние, судить оказалось невозможным, потому что месторасположение базового лагеря все еще оставалось тайной. Посты радиофицированы, поэтому было решено их не трогать до поры до времени. Сил двух ОМОГ могло оказаться мало для ликвидации всей банды. Примерно тогда же группой Разина чуть в стороне был перехвачен и уничтожен отряд из пяти боевиков, доставляющих куда-то в горы продукты. Бой оказался скоротечным и беззвучным. Боевики попали в засаду, которой в этих местах никак не ожидали, и трое бандитов были сразу убиты выстрелами снайперов. Стреляли из «винторезов», следовательно, никто со стороны не мог услышать выстрелы и обеспокоиться. В рукопашной схватке двое оставшихся боевиков были легко ранены, но допросить их не удалось, поскольку оба, к несчастью, оказались иностранными наемниками и не разговаривали ни по-русски, ни по-чеченски, ни по-английски, ни по-немецки, ни по-испански, ни по-португальски – это весь языковой запас ОМОГ подполковника Разина. Пришлось вызывать вертолет, чтобы отправить пленников в штаб группировки, где в переводчиках недостатка нет. Но обстоятельства обрубили и этот «хвост» – на обратном пути, во время ночного полета, вертолет попал в аварию и разбился. В итоге допрашивать оказалось уже некого, и вопрос о местонахождении базы опять остался открытым.

* * *

– Я «Рапсодия». Внимание всем! Со стороны села идет человек...

Несколько секунд на то, чтобы другим присмотреться и оценить обстановку.

– Я «Танцор». Пока не вижу... Склон – бугром... Закрывает половину дороги...

– Я «Бандит». Человека вижу. В бинокль... Старик с клюкой отправился за Бабой-ягой...

Еле ползет, не торопится, природой любит...

– Ты где? – спрашивает Кордебалет.

– На половине пути к тебе. Вынужден спрятаться.

– Тебя можно увидеть? – интересуется Согрин.

Сохно сначала просто мычит в микрофон, раздумывая:

– М-м-м... Увидеть – едва ли... Можно уловить движение по склону. Это, наверное, тоже в состоянии насторожить. Говорят, у горских стариков бывает завидная дальнзоркость, как у орлов... Сейчас, он за грядой спрячется – спущусь ниже.

– Троица тебя не видит?

– Если я их не вижу, они меня тем более...

– Действуй. Если будет встреча троицы со стариком, то в зоне моего контроля. Возможно, это осведомитель боевиков. Необходимо его захватить. Скорее всего, если троицу решите не трогать, сделать это придется, когда он домой отправится... «Танцор»!

– Слушаю, командир...

– Если есть возможность, присмотришь: есть у боевиков рации?

– У командира, похоже, в наружном кармане жилета... По крайней мере, кажется, антенна торчит. Но мне плохо видно. Он под таким ракурсом, что не рассмотреть точно... Когда повернется, если повернется, сообщу. Но он, кажется, намерен спускаться... Точно, встал в полный рост... Спина ко мне... Отсюда его карман совсем не видно. Выходит на тропу...

Согрину видно боевика в черном хорошо. Присматривается и только потом дает команду:

– Работаем... Двое на тропе – ваши. Лучше брать живыми... С соблюдением мер собственной безопасности... Лишний раз не рисковать... Я обезвреживаю нижних... Если сумею вовремя выползти... Чертова нора!...

- Годится... – вместо уставной команды отвечает вольный в отношениях Сохно.
- «Рапсодия»! Привет! Я «Волга»... – внезапно вклинивается в разговор подполковник Разин. – Я недалеко. Справляетесь без нас?
- Здравствуй, «Волга»! Справляемся...
- Тем не менее, Игорь Алексеевич, встретиться надо... И я бы посоветовал вам не торопиться... Несу для вас сообщение... Я только что имел удовольствие общаться с Мочиловым... – Что, у тебя есть телефонная связь?
- Нет, получил от него послание... «Циркулярка»... Гриф «Срочно»... В твой адрес тоже...
- Мы пока на связь не выходили, – вместо полковника отвечает Кордебалет. – У меня сеанс только вечером...
- А зря... Обстановка интересная и требует продуманных действий... Я только приближаюсь, поймал самый конец вашего разговора и не в курсе всех событий... Боюсь, что захват следует отложить до выяснения...
- С какой стати? – не понимает Сохно. В голосе его возмущение чувствуется отчетливо. Капризное возмущение ребенка, у которого отнимают любимую игрушку.
- Хотя бы до короткого совещания. Через эфир общаться рискованно...
- Я не могу выбраться незаметно... – недовольно говорит полковник. – Зона просматривается со всех сторон. Если мне выбираться, следует сразу атаковать! В двух словах сказать не можешь?
- В двух словах... Похоже, здесь учебный лагерь Талгата Абдукадырова...
- Абдукадыров не будет готовить простых боевиков для обычных отрядов. У него наверняка что-то большое на уме. Тогда нам тем более необходимо брать «языка»... И отслеживать связи...
- А если мы раньше времени засветимся и оборвем все нити? С кем встречается человек внизу?
- Старик из села. По крайней мере, идет со стороны села...
- Может быть, следует взять одного старика? Когда он будет возвращаться...
- Давайте соображать... Мы сначала так и планировали...
- Я «Бандит»! Я спустился к «Танцору». Вижу человека в черном со спины...
- И что?
- Очень знакомый силуэт... Ну просто очень...
- Что ты хочешь этим сказать?
- Командир... Не трогай его... Он – мой...
- Это?..
- Талгат. После беседы он вернется на тропу. Там мы его и встретим... Ты води старика...
- Годится... – соглашается полковник, теперь сам используя лексикон «Бандита».

ГЛАВА 4

1

Дорога до дома занимает гораздо больше времени, чем дорога от дома. До столицы, еще за городом, чувствовалась слабость движка... Не разгонишься... Дальше пошло еще хуже. И дело здесь даже не в том, что машин на улицах за какой-то час прибавилось. Просто женщина-водитель при всей своей внешней резкости характера и желании постоянно нарушать правила не имеет достаточного опыта в езде по Москве – это чувствуется явственно. А по столице езда особая. Здесь все правила следует забыть напрочь. Да и машина не первой молодости – при необходимости совершить маневр не очень торопится.

Кроме того, Алданов всю дорогу зевает, прикрыв рот ладонью. И борется с желанием закрыть глаза, чтобы хоть на минутку уснуть. Но состояние усталости и сонливости быстро проходит. Он просто давит его в себе, как клопа на стене.

Естественно, Виктор Егорович просит высадить его за два квартала от своего дома, около входа в метро, чтобы сама собой возникла версия о последующей его поездке именно на метро – неизвестно куда. Хотя сам он не видит вероятности выхода на свой след через попутный транспорт. Естественно, он поговорил в дороге с женщиной, не торопясь обречь ее на роль нежелательного свидетеля. Когда свидетеля убираешь, это хорошо, вопреки сложившемуся благодаря литературе мнению, только с одной стороны. С другой – это дополнительное уголовное дело. В этот раз все вообще обходится проще. Женщина оказывается не москвичкой. Просто едет по своим делам из Рязани. И сегодня же возвращается. Коммерсант... Это обстоятельство спасает ей жизнь, хотя сама она об этом не догадывается.

Расплатившись по московским ценам смешной суммой – в Москве обычно платят столько же, но в долларах, Виктор Егорович выходит из машины. Пройти два квартала потребовала привычка. Следует отследить возможные неприятные моменты, способные возникнуть из ситуации. Гарантии того, что те четверо работали без сообщников, нет. И никакая способность к «включению» (естественно, частичному) не может защитить от удара ножом, нанесенного сзади, да при некоторых обстоятельствах и спереди тоже – «включиться» еще надо успеть, а делать это полностью на улице города вообще невозможно – опасно для прохожих и чревато последствиями для самого Виктора Егоровича. О выстреле со стороны и говорить не приходится. Это Виктор Егорович, как профессионал, знает отлично. Даже отпетые боевики-спецназовцы, у которых чувство самосохранения многократно умножено интуицией, и те знают, что если тебя хотят убить, то убьют обязательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.